

Военные
Приключения

ТЕНИ ЧЕРНОГО ЛЕСА

Алексей Юрьевич Щербаков
Тени Черного леса
Серия «Военные приключения»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7633466
Тени черного леса / Алексей Щербаков: Вече; Москва; 2014
ISBN 978-5-9533-3455-6, 978-5-4444-7397-9

Аннотация

Завершилась Великая война, отгремели победные залпы. Но выстрелы продолжают раздаваться. Вот и приходится бывшему фронтовому разведчику Сергею Мельникову вспоминать прежние навыки. Его ждет жестокая схватка с фашистским специалистом, носящим кличку Барон, и долгий путь, в конце которого лежит разгадка таинственного Черного леса...

Содержание

Пролог. Поезд в никуда	4
Глава 1. После войны – война	7
Глава 2. Смерть не приходит одна	17
Глава 3. О пользе стукачей	26
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Алексей Щербаков

Тени черного леса

«Великий Сталин учит нас не кичиться успехами, не зазнаваться, высоко держать революционную бдительность и воинскую дисциплину. Эти указания вождя особенно относятся к нам, работникам военной комендатуры города, бывшего колыбелью реакционного пруссачества. Враг – подл и коварен. Разгромленные на поле брани гитлеровцы уходят в подполье и насаждают всякие шпионские, террористические и диверсионные группы для подрывной работы. Своевременно разоблачить и обезвредить эти группы можно только тогда, когда каждый боец и офицер военной комендатуры будет бдителен и дисциплинирован, будет с честью и достоинством выполнять возложенные на него задачи».

*Из приказа военного коменданта Кенигсберга
от 1 мая 1945 года*

Пролог. Поезд в никуда

20 января 1945 года, Линк, Восточная Пруссия

– Что за черт? – Начальник разведывательного отдела армии еще раз посмотрел на результаты сегодняшней аэрофотосъемки. Ему захотелось протереть глаза. В самом деле – пахло какой-то чертовщиной. На двух снимках, в районе озера Спирдинг-зее, где по всем возможным данным были одни леса да болота, – бодро шел паровоз с тремя вагонами. Именно шел, а не стоял. В конце концов, при желании можно приволочь и подводную лодку в степи Украины. А уж тем более – паровоз в лес. Но на фотографиях, которые запечатлела бесстрастная камера самолета-разведчика, из паровозной трубы шел косою линией дым. Получалось так, что в местности, где не было ни жилья, ни дорог – как обычных, так и железных, – каким-то образом ходили поезда.

Это были гиблые места. В густо населенной Восточной Пруссии окрестности озера Спирдинг-зее поражали своей пустотой. Болота и леса. Леса и болота. И в Германии эдакое случается. Тут, в этой глухомани, не имелось ни городов, ни деревень. Ничего тут не было.

За такую местность немцы не цеплялись, да и наши предпочли обойти ее стороной. Так было и прошлую войну, когда русские войска ринулись в Восточную Пруссию, чтобы спасти Париж. Так было и на этот раз. Восточно-Прусская операция развивалась по другим направлениям. В район Спирдинг-зее не совались. Нечего там было делать.

А вот получалось – в, казалось бы, безлюдной местности возникает поезд, который идет из ниоткуда в никуда. Потому что на тех же самых снимках никаких признаков железной дороги не имелось. И понимаете это чудо как хотите – лес, а посреди него паровозик с тремя крытыми товарными вагонами. . .

– Что там было по данным предыдущих аэрофотосъемок? – Резко бросил начальник разведотдела.

Его помощник замялся. Дело в том, что вообще-то в эти пустые места самолеты-разведчики как-то особо не залетали. Им хватало дела и на более оживленных участках фронта. Но все-таки он вытащил какой-то давний снимок. Все точно. Не было там ничего. Всего-навсего один только еловый лес. Причем снимок был не такой давний, чтобы за период, прошедший с того времени, как он был сделан, немцы успели бы соорудить в лесу «железку».

Главный разведчик нахмурился. Железные дороги не грибы, чтобы расти, где не попадая. Если уж по рельсам пыхтят паровозы – значит это кому-нибудь нужно. Такие сюрпризы на левом фланге его армии были ну совершенно ни к чему. Поэтому начальник разведотдела бросил:

– Выбросить разведгруппу в район, где замечен поезд. О результатах разведки доложить!

Высадка прошла хуже некуда. Двое ребят напоролись на мины уже при приземлении. Да и командир группы, лейтенант Никитин, едва избежал той же участи. Когда его ноги коснулись почвы, он обнаружил, что коснулся земли-матушки в полуметре от не слишком хорошо замаскированной мины... Но это бы ладно. Мины, торопливо и небрежно поставленные, виделись повсюду – насколько хватало взгляда – по всему пространству угрюмого елового леса. Это был, что называется, черный лес. Тот, который состоит из огромных елей. Их лапы полностью закрывают землю от солнца – а потому в таком лесу не бывает никакого подлеска. Только в подобных российских лесах всегда полно бурелома – и здесь все было чисто. Зато... Зато были мины. Много. Очень много. Одни были поставлены кое-как, другие – грамотно и основательно. Но главное – их тут было видимо-невидимо. Нашпигованы – чуть ли две мины на квадратный метр. Ни охнуть, ни вздохнуть.

– Под ноги гляди, мать вашу! – заорал Никифоров своим бойцам.

К счастью, при приземлении не повезло только двоим. Остальные умели сесть нормально. Но радости от этого было немного. Разведгруппа находилась посреди леса, нашпигованного минами под самую завязку. Такую плотность постановки смертоносных железок Никифорову приходилось встречать нечасто. А он много чего успел повидать.

Но мины или не мины – а задание нужно выполнять. Надо было искать... Только вот что? Паровоз в чаще елового леса. Никифоров прикинул по карте. Это должно быть где-то недалеко, на юго-востоке.

– Двинули, – мрачно скомандовал он.

Переход по минному полю – занятие мучительное и крайне медленное. Каждую встреченную на пути смертоносную железку приходилось обезвреживать. Обойти просто возможности не было. Поэтому продвигались со скоростью параличной черепахи.

Но и это не помогло. Через полчаса погиб еще один боец. А они продолжали продираться через этот жуткий лес, где под елками царили вечные сумерки, где не было ничего – ни травы, ни кустов – только лишь многочисленная смерть, спрятавшаяся в земле.

– Товарищ лейтенант, вот она – железная дорога! – Внезапно крикнул идущий впереди боец.

И в самом деле. Через лес тянулась полоса узкоколейки, искусно закамуфлированная сверху маскировочной сеткой. В общем-то, заурядная штука, но очень эффективная. С самолета, сколько ни смотри – внизу видится один только лесной массив. То, что смогли обнаружить паровоз... Видимо, сетка где-то оказалась попорченной. А так бы – ничего и не усмотрели.

– Едрить твою... Да что ж там такое в конце железки, если она так замаскирована? Да и на полотне мины... Сенчин, разворачивай свою музыку! – приказал Никифоров радисту.

Когда аппаратуру наладили, лейтенант доложил об обстановке и сообщил, что командир принял решение продвигаться вдоль железной дороги... После сеанса радиосвязи остатки разведгруппы стали все с той же убийственной медлительностью продвигаться по линии «железки»...

И все. Это был первый и последний выход в эфир разведывательной группы. Она исчезла. Видимо, так и не смогла пройти минные поля. А может – наших бойцов ждали там еще какие-нибудь сюрпризы...

Тем временем наступление стремительно катилось дальше. И ничего не случилось. Из загадочного леса во фланг армии не ударили вражеские танки, оттуда не вылетело «чудооружие», которое обещал немцам Геббельс в виде последнего шанса на спасение. Лес стоял так, как будто в него никогда человеческие существа не заглядывали. Потом, правда, когда немцев в Восточной Пруссии доби́ли, пробовали еще искать начало той самой «железки» – но и ее не обнаружили. И, как это часто случалось, – плюнули и забыли. Победа была близка – но ее еще предстояло вырвать. А после Победы тоже хватило других дел. Тем более что армию, разведотдел которой обнаружил эту железную дорогу, стали перебрасывать на Дальний Восток, где предстояла новая война. Что же касается леса... Он так и остался стоять, как стоял. Разве что кое-где на опушке понатыкали табличек с надписью «Мины». Мало ли чего осталось после великих боев! О странном объекте не забыли лишь в одном учреждении, которому забывать ничего не положено – Народном комиссариате государственной безопасности. Но и там было работы выше крыши...

Глава 1. После войны – война

5 июля 1945 года, Зенебург, Восточная Пруссия

Было раннее утро. Лейтенант Сергей Мельников вразвалочку спустился с крыльца уютного немецкого особняка на окраине города, имея вид человека, который хорошо провел время. Он потянулся, достал портсигар, украшенный чьим-то баронским гербом, вынул оттуда «Казбек», закурил и не спеша двинулся вдоль по улице сонного городка, похожего на иллюстрацию к какой-нибудь доброй детской сказке. Он двигался по сонным улицам к центральной площади – туда, где рядом с ратушей в брошенном богатым коммерсантом доме располагалась комендатура и обитал приставленный к ней комендантский взвод.

Мельников был парнем очень внушительным – из тех, при виде которых сразу пропадает желание невежливо разговаривать. Недаром в родной разведроты его звали Зверобоем. Не по имени героя романа Фенимора Купера, и уж конечно – не по названию пахучего лекарственного цветочка. Так прозвал его один танкист-самоходчик. Как-то Мельников помог ему починить гусеницу. Глядя на играющего кувалдой здоровяка, механик-водитель пошутил:

– Если вас, товарищ лейтенант, в строй к нашим машинам поставить, никто и разницы не заметит!

Так и пошло – по ассоциации Сергей получил то же прозвище, что и ИС-122, грозный укротитель «тигров» и прочего бронированного фашистского зверья. Мельников в чем-то и в самом деле напоминал эту громадную, угловатую, не слишком эстетичную машину, чей огонь сметал все на своем пути, при виде которой враги понимали: сейчас начнется самое интересное. К крупной фигуре Зверобоя прибавлялись резкие и грубые черты лица. Однако походка лейтенанта ничем не напоминала его «тезку» – грозную, но достаточно тяжелую и неповоротливую самоходку. Если уж сравнивать с бронетехникой, то его движения скорее напоминали элегантный «Т-34». Впрочем, шел Мельников чуть-чуть расхлябанно-развинченно – как двигаются по земле разведчики и прочие представители армейской элиты, которые знают себе цену.

Форма лейтенанта была щегольской – но это было щегольство особого рода. Поветрие выглядеть как можно более красиво в конце войны захватило многих молодых младших офицеров. Они подкладывали под погоны жестяные полосы. Добивались того, чтобы края фуражки были острые – хоть хлеб режь... Особым шиком считалось носить на кобуре с трофейным пистолетом немецкий шомпол-цепочку.

Так вот, Мельников выглядел совсем не так. Он был в гимнастерке – но она, как пилотка, пошита из самого лучшего материала. Да и цвет формы был не блекло зеленый, а более яркий, насыщенный и праздничный.

Головной убор, разумеется, был залихватски сдвинут на правую бровь. На ногах ослепительно сверкали на утреннем солнце хромовые сапоги, которые звякали о дорожные камушки подковами. На груди красовался набор наград: «Красное знамя» и две «Красные звезды» и медаль «За отвагу». Плюс – золотая и красная нашивки за ранения¹. Одну из них он явно получил не так давно, потому что слегка приволакивал левую ногу. Словом – типичный вид разведчика, который понимает – есть все, а есть он. Без которого начальству обойтись трудно.

Шомпола-цепочки у него на кобуре не было. Разведчики считали это дешевым пижонством. Но в большой треугольной кобуре, разумеется, примостился не «ТТ», а парабеллум. На другом боку имелась немецкая егерская финка с костяной резной рукояткой – отличная вещь, которая метко кидается в цель из любого положения.

---

¹ Золотую нашивку давали за тяжелое ранение, красную – за легкое.

Война кончилась – и опасаться в городке было некого – но лейтенант так привык. С шестнадцати лет он только и делал, что воевал, – и никак не мог приспособиться к тому, что больше ни в кого стрелять не надо.

Мельников шел, курил и лениво размышлял: чем бы ему заняться? Особых дел у него на сегодня не было. Лейтенант был прикомандирован к военному коменданту этого городка, майору Щербине. Мельников оказался здесь после госпиталя, куда угодил из-за сущей случайности. Когда под Кенигсбергом брали очередного «языка», нарвались на немецкий патруль – и какой-то зеленый немчик попытался кинуть гранату. Но, видно, его, как и наших в сорок первом, послали на фронт, толком ничему не научив. Граната взорвалась в руках у незадачливого фрица. Ну и хрен бы с ним, но и Мельникову тоже досталось. День Победы он встретил в госпитале. А когда вышел, его и пихнули в этот городок.

Впрочем, теперь он был доволен. Поначалу Мельников был кем-то вроде переводчика да и вообще – помогал майору Щербине контактировать с местным населением. Майор-то на языке бывшего врага знал только «хенде хох». А Сергей немецкий знал с детства – в Саратове жило много немцев – а в партизанском лесу эти знания Мельников довел до совершенства. Как с завистью говорила его здешняя подружка Марта, у него был настоящий берлинский выговор. Местные говорили хуже.

Но переводить в последнее время было особо нечего. Его начальник майор Щербина большей частью маялся дурью, пустив все на самотек. И все как-то работало. Поначалу майор, выдернутый из артиллерийского полка и кинутый заведовать немецким городом, очень переживал. До войны он был каким-то мелким хозяйственником – потому-то его сюда и послали. Но ведь Германия – особое дело. Черт их знает, фрицев, все-таки враги. Вчера ты по ним лупил из шестидюймовок, а теперь налаживай им нормальную жизнь... Однако в первый же день пребывания Щербины в новой должности к нему в кабинет проник почтенный седовласый мужчина.

– Герр комендант, я бургомистр этого города, – переводил Мельников, – мы все приступили к работе и ждем ваших распоряжений!

– Кто «мы»? К какой работе? – не понял Щербина.

Тут уже настала пора удивляться немцу.

– Мы – это сотрудники городского управления.

– Так вы все пришли на работу?

– А как же! Ведь уже девять часов.

В самом деле, в ратуше сидели клерки и чем-то там занимались. И все пошло как по маслу. Городок был практически целым. Немцы драпали через него без боя. Американским «летающим крепостям» бомбить его было ни к чему – они летали долбить Кенигсберг. Наши прошли стороной. Так что даже мародеров тут особо не видали. Ни наших, ни немецких... Даже беженцы сюда почти не забредали. Тем более что Зенебург был пуст больше чем наполовину. При приближении советских войск многие ринулись в бегство. Зря это они. Потому что немцам тогда было уже не до своего гражданского населения. Гражданские бежали, кто куда – путаясь под ногами у отступающих в беспорядке частей вермахта. А бомбы – они ведь не разбирают... Словом, все было как у нас в сорок первом. Только хуже. Потому что в результате податься беженцам оказалось уже некуда. Кольцо окружения замкнулось. И многие потом вернулись обратно. Кто, конечно, жив остался.

На севере, где шли жестокие бои, говорят, было куда веселее. Ходили слухи, что многих немцев депортировали, да и вообще поразвлекались там наши изрядно.

А тут, конечно, тоже побывали ребята из Смерш² и прихватили кое-кого, кто отличился при Гитлере. Но, в общем, жизнь наладилась вроде как сама собой. Майор долго не мог

---

² Смерш – военная контрразведка.

понять этого. Как же так? Конечно, не все немцы – фашисты. Но ведь они воевали против нас. И как воевали! Щербина это хорошо знал – он начинал со Сталинграда. А тут – живут тише воды, ниже травы. Мельников, пообщавшись с местным населением, понял причину.

– Дело в том, товарищ майор, – объяснял он своему начальнику, – что немец не может жить без начальства. Когда никто не приказывает, немец начинает тосковать, озираться вокруг в поисках командира. Немецкое начальство сбежало, пришли мы. Какая-никакая, но власть. Вот они и подчиняются существующей власти.

Лейтенант эту особенность знал хорошо. В белорусских лесах нагляделся. Немцы совершенно искренне считали всех партизан бандитами. Именно потому, что они воевали против существующей власти. Мотивы поведения партизан немцам были абсолютно непонятны. Долгое время они искренне полагали, что партизанские отряды состоят исключительно из комиссаров, евреев и прочих «коммунистических фанатиков». Такая вот разница национальных психологий.

Впрочем, в этом городке никакая психология не мешала Мельникову жить достаточно приятно. Ему здесь нравилось. Другие рвались домой – а ему куда? Мать попала под бомбежку в самом начале войны в Белоруссии – куда они ездили к родственникам... Отец, капитан войск НКВД, погиб под Волоколамском. Куда спешить? А тут – немцы ужасно боялись, что им придется ответить за все, что они натворили. Тем более что на севере, как рассказывали вернувшиеся беженцы, пришлось ответить. Там наши особо не церемонились. Поэтому для «герра лейтенанта» всегда находились пиво и колбаса. А девчонки... Что с них взять? Их камрады лежали «под снегом холодной России, под знойным песком пирамид», как писал классик. А Мельников был здесь.

Честно говоря, если бы дали приказ – то от Германии он и ему подобные оставили бы лишь выжженную землю. На которую бы лет сто даже вороны боялись бы залетать. Но раз такого приказа не было, а был другой, совершенно противоположный – который грозил очень суровыми карами за насилие над мирным населением. А раз так – пусть живут...

Мельников наворачивал по городку уже второй круг. Делать было решительно нечего. Сходить искупаться, что ли, на местную чахлую речку... И тут, в момент наибольшего ослабления, началось...

Вдали из переулка вынырнула фрау Эрна – сухощавая старушка, с ее лица обычно не сходило такое выражение, будто она идет с похорон. Это была местная достопримечательность – профессиональная стукачка. Есть люди, которые пишут доносы на соседей из корысти или из зависти. Есть те, кто «сигналит» по идеологическим причинам. А для фрау Эрны это было образом жизни. Говорят, при фашистах от нее прятался начальник местного гестапо – потому как каждую неделю она регулярно приносила доносы на всех соседей. Фашисты были, конечно, звери – но все население в концлагеря не пересажаешь. То, что после прихода наших ее не тронули, объясняется исключительно тем, что по ее доносам нацисты так никого и не загребли. Уж больно они, эти доносы, были абсурдными. Мельников это хорошо знал – потому как после прихода советской власти фрау Эрна тут же стала строчить доносы на тех же самых соседей – уже майору Щербине. Бог ведает, что она писала в гестапо, но согласно ее нынешним доносам чуть ли не все жители городка ходили в личных друзьях Гитлера и состояли в НСДАП³ с момента ее основания. А уж чего она понаписала про местный гитлерюгенд... Так что теперь от фрау Эрны прятался майор Щербина.

Мельников мысленно выругался – сейчас ему заложат очередного скрытого фашиста. Любимым занятием фрау было бегать по городу и поглядывать за всеми. Так что свежей информации у нее всегда был вагон и маленькая тележка.

---

³ Национал-социалистическая рабочая партия. Основная масса ее членов вступила в нее в начале тридцатых. У нацистов был даже особый значок для членов партии до 1929 года.

Но когда старушка приблизилась, Мельников увидел, что с ее лица пропало обычное выражение скорбной торжественности, с которым она обычно сигнализировала «герру коменданту». Фрау была в откровенном ужасе.

– Герр лейтенант! Герр лейтенант! Убили!

– Кого!

– Этого... Феликса Йорка...

Мельников в этом городке был представителем власти – а потому, откинув расслабленность, двинулся следом за фрау Эльзой.

Вот ведь забавно получается, думал он по дороге. Два месяца назад слово «убили» было абсолютно обыденным. И не только на войне. Наши, придя сюда, не успели как следует развернуться – и сполна отомстить немцам за все. Тут же посыпались свирепые приказы, имеющие цель пресечь на корню это развлечение. Может, оно и правильно. А то и в самом деле тут одни головешки бы остались. Но кое-кому ответить пришлось...

Как-то, незадолго до ранения, Мельников во главе отряда разведчиков двигался впереди наступающих частей по дороге возле какого-то городка. И вот внезапно из кустов выскочили три девушки. Две оказались украинками, одна полькой. Из тех, кого немцы угоняли в Германию и предоставляли в виде батраков – то бишь рабов – местным крестьянам и помещикам. Так вот, они кое-что рассказали про свою помещицу, которая имела милую привычку всячески издеваться над своей дармовой рабочей силой. Услышав некоторые подробности, ребята были готовы тут же отправиться и разобраться. Но – приказ не велел. Есть ли смысл идти под трибунал из-за какой-то суки? Да и война – не та работа, где можно отвлекаться. Но Мельников не зря провел три года в белорусских лесах. Где никаких трибуналов не было.

– Девушки, мы сейчас на боевом задании. Но вечером мы заглянем. Только вечером. Вы поняли?

Девушки поняли. Конечно, заглянуть на эту ферму служба не позволила. Но потом лейтенант узнал, что там случилась досадная неприятность. Помещица зачем-то пошла в сарай – а он возьми и сгори. Вместе с ней. Такая вот вышла незадача. Что ж поделаться? Превратности войны.

А если прибавить еще и американские бомбы – да и наши ведь тоже падали не всегда точно на цель... Обычное дело, когда поврежденные бомбардировщики скидывали бомбы куда ни попадя. Смерть ходила по Германии – и косила не разбирая. Как до этого – по России. Но за полтора месяца, которые провел Мельников в этом городке, тут не случилось ничего. В окрестностях было очень тихо.

– Сюда, сюда, – бормотала фрау Эльза.

Феликс Йорк жил в небольшом чистеньком двухэтажном домике. Мельникова сразу же поразило в жилье нечто странное. Но он не понял – что. Да и не было времени понимать. В гостиной стояла старушка в крахмальном переднике.

– Это она нашла убитого, – пояснила фрау. – Она ходила к нему убирать комнаты. А он лежит. Только она испугалась...

Вот ведь тоже! Неужели есть еще люди, которые боятся мертвых?

– Туда, – сказала старушка, кинув на лестницу.

Лейтенант поднялся по дубовой добротной лестнице на второй этаж. Одна из дверей была открыта. Заглянув туда, Мельников увидел пожилого, но крепкого мужчину. Он лежал на спине возле массивного письменного стола с ножками в виде львиных лап. На трупе зияла рана в области сердца. В комнате царил беспорядок. Ящики письменного стола были выкинуты на пол, бумаги валялись по всей комнате. Та же участь постигала и книжный шкаф. Что-то искали.

Мельников понятия не имел, как вести себя в таких случаях⁴. А потому он повел себя как принято у немцев – решил переложить необходимость принимать решения на начальника.

– Фрау, бегите за комендантом!

Майор Щербина пришел несправившийся – а потому злой как черт. Вчера он ездил в гости в соседний городок к тамошнему коменданту – и осталось непонятным, как он сумел довести обратно мотоцикл. Сейчас комендант тусклым взором осмотрел местность.

– Убили?

– Так точно. – Мельников пригляделся. – Финкой, видимо. Или кинжалом. Грамотно сработано. Умелый человек делал. Прямо в сердце.

– Ну а нам-то что? – раздраженно бросил майор. – У них в Германии бандитов нет, что ли? Когда из концлагерей выпускали, особо не разбирались, кто там и за что. А у них за решеткой и уголовники сидели. Вон, гляди, все перевернуто. Золото, наверно, искали. Ладно. Я ребятам скажу, чтобы повнимательнее были.

– А этого?

– Что этого? Пусть их бургомистр необходимые документы выписывает. Родственники у него есть? – спросил майор фрау Эльзу, которая упорно просовывала нос в открытую дверь. Она убитых не боялась.

– Не знаю. Он чужой. Приехал уже после того, как Гитлер пришел. А я вас предупреждала...

Майор, почувствовав, что на него сейчас выльется очередная порция сплетен, которыми фрау начинала свои доносы, лишь махнул рукой.

– Нет родственников – тогда ну его. Что там у них положено? Священник? Пусть и делает, что надо. В землю зароем – и все дела.

Вроде бы на том дело и кончилось. В самом деле, что разводить церемонии? Пастор прочел молитву, потом несколько местных жителей отнесли тело на кладбище и зарыли в каком-то дальнем его углу.

Середина того же дня

Мельников занимался культурным досугом – стучал костяшками домино в компании со своим корешем – старшим сержантом Копеляном. На столе стояла бутылка вина. Его, этого вина, нашли огромное количество в одном из богатых домов, хозяин которого бесследно исчез еще до прихода наших. Он был каким-то местным партийным фюрером – и понимал, что ничего хорошего его при русских не ждет. Большинство солдат это вино не любили – кисло и слабо. Но армянин (да еще и недоучившийся студент-историк) Копелян уверял, что это самое лучшее вино, которое пьют разные там аристократы.

Старший сержант сделал большой глоток, врезал об стол костью и задал вопрос на тему, которую от скуки обсуждали все:

– А все ж, лейтенант, как думаешь, кто мог этого фрица прирезать?

Ответить Мельников не успел. На пороге возник рядовой Егоров, молодой, из последнего призыва:

– Товарищ лейтенант, вас срочно требует товарищ майор.

Мельников вышел из дома, где располагался комендантский взвод, перешел улицу и вошел комендатуру.

– Слушай, Мельников, кажется, пошли серьезные дела. Мне только что звонили откуда надо. Недалеко от нашего городка, на главной дороге, было нападение на нашу машину. Мне там знакомые по секрету сообщили все подробности. Машина была из службы снабжения.

---

⁴ До войны детективов не печатали и не снимали. Так что невежество героя вполне понятно.

Шла с каким-то грузом – вино откуда-то везла для начальства. А эти, значит, подкараулили ее из кустов и врубили... В машине был один водитель, из последнего призыва, не воевавший. Он в штаны наложил, машину бросил, дернул прочь, как заяц... Эти его не преследовали. Он до наших добрался... Подъехали где-то через два часа. Машину по следам нашли. Ее отогнали в сторону от дороги. Машину сожгли.

– Разгрузили, видимо, раз отогнали. Думаете, товарищ майор, все-таки началось?

Майор его понял. Дело в том, что среди солдат и офицеров одно время ходили смутные слухи о подпольной нацистской организации, которая не собирается складывать оружие и после капитуляции. И это были не просто слухи. Майор Щербина, который имел бесчисленное количество знакомых в самых разных армейских структурах, рассказывал (тоже по секрету) – в одном из таких же вот тихих городков среди бела дня убили коменданта. И ведь не из какого-нибудь вульгарного «МР-40»⁵ или «Вальтера». Это мог сделать и какой-нибудь особо сумасшедший пацан из «Гитлерюгенда». Таких Мельников видал. Его ребята как-то взяли в плен двух четырнадцатилетних волчат, которые дрались за единственный фаустпатрон... Но в этом случае коменданта застрелили из очень своеобразного оружия – однозарядного ружья, замаскированного под трость. Уж какого только оружия Зверобой за войну не видел, а о таком даже слышать не приходилось. Явно какая-то специальная штука для диверсантов. Такую кому попало не дадут.

Но после этого ни о чем подобном ничего слышно не было. Все решили, что Смерш хорошо поработал. Но, видимо, не совсем хорошо...

– Я ничего не думаю, – ворчливо сказал майор. – Но есть приказ. Повысить бдительность и, что самое главное, – принять меры к ликвидации. Для начала надо попытаться добыть максимум сведений об этих фрицах-партизанах. Ты у нас разведчик, к тому же с населением кумишься. Вот и действуй.

На улице Мельников закурил и начал думать, с чего начать. Он хорошо изучил, как воюют с партизанами. На собственной шкуре. Поразмышляв, он пробормотал:

– Надо переть к одноногому.

Речь шла о немецком солдате-инвалиде. Он потерял ногу где-то под Сталинградом. Отморозил. Чему искренне радовался – потому что успел вырваться до того, как там началось самое веселье. Из его роты в живых не осталось никого. Но из России он привез умение гнать самогон. Чем и занимался. Кроме того, оттуда же он привез отвращение к нацизму. Впрочем, возможно, оно были и до этого. Фридрих до прихода был то ли социал-демократом, то ли христианским демократом... Мельников в таких вещах не разбирался. Но нацисты его сочли неблагонадежным и выперли с «волчьим билетом из школы», где он преподавал астрономию. Он с самого начала активно сотрудничал с нашими. Его, кстати, активно проверяли смершевцы – но оставили в покое.

Фридрих сидел на лавочке возле своего довольно-таки неказистого (по немецким меркам) дома и мирно курил трубку. Увидев Мельникова, он помахал рукой:

– Привет, Фридрих, дело к тебе есть.

– Это ты насчет убийства?

– Тут хуже все. Дело очень нехорошее. Партизаны у нас в округе завелись. Немецкие. А я, поверь, хорошо знаю, КАК борются с партизанами. Тут такое начнется, что мало никому не покажется.

– Вот сволочи! – покачал головой Фридрих. – Мало им. Ты знаешь, я кое-что про это слышал, еще при нацистах, когда ваши были на подходе. Геббельс постоянно речи говорил на эту тему. И, ходили слухи, какие-то партийные деятели тоже говорили какие-то речи на

---

⁵ Основной немецкий автомат, известный у нас как «шмайссер».

этот счет. Но эти партийные деятели первые сбежали, когда еще никто не знал, чем дело кончится... Но чем я могу помочь?

– Надо попытаться вычислить, где они могут скрываться. Тут у вас не наши леса, особо не разгуляешься.

– Может, в этом загадочном Черном лесу?

– Тогда дело безнадежное. Но чутье мне говорит, что нет. Есть еще места?

Фридрих задумался и наконец изрек:

– К Хеньшелю надо идти. Может видел, сидел такой седой худой господин с тростью. Я до войны с ним в школе работал. Он был этим... натуралистом. Бабочек всяких собирал.

– А при чем тут бабочки?

– Так он всю округу знает, как свои пять пальцев. Вечно бродил по округе.

– Он будет сотрудничать?

– Никуда не денется. Он сам ко мне недавно приходил, обиняками просил замолвить за него словечко...

– А что, нацист?

– Да нет, просто трус. Он же биологию преподавал. А при Гитлере биология была... своеобразная. Обоснование расовых законов, обоснование социал-дарвинизма. Бойтся, что вы ему это дело припомните. А ему в Сибирь не хочется.

Герр Хеньшель и в самом деле сильно испугался визита, а услышав о цели, сразу зама- хал руками и начал многословно уверять, что он тут ни при чем. Видимо, решил, что его пришли арестовывать. Мельникову в партизанском отряде очень много приходилось допра- шивать людей – так уж вышло, что в небольшом отряде он выполнял роль разведыватель- ного и особого отделов. Поэтому он решил сыграть как раз на панике учителя.

– Герр Хеньшель, мы все можем забыть. Но и вы должны доказать, что лояльны к новой власти.

– Конечно, конечно... Но я ничего не понимаю в военном деле. Чем я могу помочь?

– Вы хорошо знаете край. Где они могут скрываться? Местные жители вряд ли станут их укрывать. Про Черный лес забудем. Значит – меня интересует довольно обширный лесной массив, где могут укрыться несколько человек.

Учитель задумался. Судя по его виду, когда речь пошла о знакомой ему теме, он несколько успокоился.

– Да, да. У нас, не как у вас в России, больших лесов мало. Вот есть сосновый лес. В трех километрах западнее.

– Карту умеете читать? – Мельников развернул заранее прихваченный у майора лист карты. Это была немецкая пятикилометровка. Крупновато, но понять можно.

– Вот тут. Правда, рядом ферма. Но она скорее всего, пустая. Ее хозяин последний в городе был... до вас. Он говорил о своем желании уйти. А больше никто его не видел.

Лейтенант отметил про себя, что лес как раз находился между дорогой, на которой произошло нападение, и их городком. А Черный лес был далеко на юго-востоке. Правда, не давала покоя одна странность. На месте этих нацистских партизан Мельников, если б уж полез в город, первым делом ликвидировал бы Фридриха. Как приспешника оккупантов. Хотя бы чтоб другим неповадно было. Или он все-таки является их человеком? Но тогда надо действовать быстро, а не размышлять.

Прихватив из комендатуры автомат, Мельников отправился на разведку. Лес он нашел быстро – это был довольно крупный сосновый массив, располагавшийся на холме. Впрочем, «лесом» такое назвать можно в Германии. У нас он сошел бы за парк – разве что без дорожек и скамеек. Тут в лесах старательно вычищали не только бурелом, но и убирали подлесок и хворост. На краю леса и в самом деле имелась ферма, судя по всему, довольно богатая

и, совершенно очевидно, пустая. В наступающих сумерках лейтенант заметил поднимающийся под деревьями дымок... Во дают! Они б еще указатель поставили.

Собственно, основную информацию он узнал, но раз пошел, надо доводить дело до конца. Он заметил заросли кустов возле опушки и осторожно двинулся к ним. От них уже проник в лес. Маскироваться с этом сосняке было трудно, но лейтенант и не такое проходил. Тут хоть росла довольно высокая трава. К этому времени уже совсем стемнело. Продвинувшись вглубь, он увидел вдалеке пламя костра, на фоне которого выделялся силуэт человека, стоявшего с винтовкой. Впрочем, стоял – это было громко сказано. Человек привалился к дереву в расслабленной позе. Обойти его труда не составило. В пламени костра он увидел еще четверых. Судя по доносившемуся оттуда шуму, все были изрядно пьяны. Можно было уходить.

– Товарищ майор, как партизаны они ничего не стоят. К тому же они сейчас пьяны. А пока мы будем докладывать по начальству, пока они там раскочуются, эти люди уйдут на другое место. К тому же любители любителями, но у них могут быть люди в окрестных населенных пунктах. Может, они и этого немца убили, что, допустим, у него были какие-то обязательства, а он потом отказался. Да и видел я, как немцы с партизанами боролись, пока не научились. Шума было до неба, толку – куда меньше.

– Было б на войне... А теперь – людей в мирное время станем класть? Я на себя ответственности не возьму.

Майор взялся за телефон. Доложив обстановку, он упомянул и об инициативе Мельникова.

– Он, товарищ полковник, фронтовой разведчик, а еще раньше – партизан...

Выслушав ответ, Щербина повернулся к Мельникову:

– Спрашивают, живым хоть одного взять сможешь?

– Так точно.

– Говорит, сможет. Есть.

Щербина опустил трубку на рычаг.

– Приказ такой: вести наблюдение, если «языка» взять не можете, не лезте. Если возьмете – действуйте по обстановке. Но брать только добровольцев!

В добровольцы вызвалось много народу. Почти все. Но Мельников решительно отсеял тех, кто не воевал, или воевал вдали от фронта. К лесу они вышли уже перед утром.

– Есть те, кому в разведку приходилось ходить? – спросил он.

– Мне приходилось, товарищ лейтенант, – отозвался усатый ефрейтор средних лет с двумя медалями «За отвагу».

– Тогда, Никифоров, возьмишь семь человек, скрытно обойдете лагерь сзади. Близко не подходите. Я возьму «языка», потом начнем работать. Услышите выстрелы, лупите по всему, что движется. Мы их будем гнать на вас. Остальные – так: прикрываете меня, я беру часового. Если что не выйдет – потом начинаем концерт.

Уже знакомой дорогой Мельников прополз к часовому. Теперь он стоял достаточно прямо. Но лейтенант подкрался к нему сзади, прыгнул, одной рукой пережал горло, другой ударил по затылку. Тот обмяк в руках у лейтенанта. Мельников достал из кармана припасенный шнур с петлей, стянул ему руки и потащил прочь. Первое дело было сделано.

Свои находились метрах в двадцати. Мельников тронул одного за плечо и одними губами произнес:

– Ты с ним. И чтобы живой и не рыпнулся!

Отряд двинулся вперед. Стала видна поляна с костром. Честно говоря, лейтенант надеялся, что они спят, но ведь нет – двое сидели вокруг костра.

Он поманил Копеляна и показал знаком: ты левого, я правого.

Они дали очередь почти одновременно. Мельников попал, а вот старший сержант мазнул. Второй вскочил, но тут другие бойцы стали стрелять из винтовок. В пламени костра метнулись еще две-три тени. Один метнулся прямо на отряд Мельникова – и почти тут же свалился. Но двое, дав по очереди из автомата, пригибаясь, двинули в темноту. Но там тоже раздались звуки «ППШ» и винтовочные выстрелы. Послышалась очередь из «МР-40». Потом все стихло.

Лейтенант осторожно приблизился к поляне. Тут было все ясно – трое мертвых, один живой, но явно долго не протянет.

– Никифоров, у тебя там что?

– Порядок. Двое готовы. Потерь нет.

– Можете выходить!

Подошли остальные из отряда лейтенанта, из темноты показались люди Никифорова.

– Ну как? – спросил Копелян.

– Хреново. Их оказалось не пятеро, а семеро. Двоих проглядел. Разведчик, блин.

– Ладно тебе... Хорошо кончилось – и ладно.

Тем временем Мельников нагнулся над убитым, лежащим возле костра. Это был молодой парень с многодневной небритостью, в донельзя изорванной одежде без погон и петлиц. Только на рукаве видна была нашивка обер-ефрейтера⁶. Или ротенфюрера. Разбери тут.

Нечто похожее Мельников видел. В сорок первом – наших солдат в таком виде, в сорок четвертом в Белоруссии – немецких. Типичный окруженец. Второй был примерно в таком же грязном и драном виде. Но у него была черная танкистская форма и знаки различия шарфюрера⁷ СС.

– Что-то не похожи они на партизан, – словно прочел его мысль Копелян.

– Знаешь, когда окруженцы в отряд приходили, у них и похуже видок был. Но ты прав в том смысле, что это точно люди, посланные неким действующим Центром. Ладно, поговорим с тем, кто живой... Никифоров! Вы соберите с людьми оружие. Копелян! Иди туда, помоги клиента доставить.

Вскоре старший сержант и другой боец появились, подталкивая стволами пленного.

– Товарищ сержант, а этот – он наш! – обратился к лейтенанту боец, карауливший «языка».

– Русский, что ли?

– Никак нет. Я сам с Украины, так он, когда очухался, по-нашему, по-украински, ругался. То есть, не совсем по-украински...

Мельников оглядел пленного. Он был такой же грязный и небритый, от него на три шага пахло немытым телом.

– Розповидай, сволоту, звидки ти такий взявся...⁸ – спросил Мельников, переходя на язык Шевченко. – Ты знаешь, я в партизанах воевал, умею с такими разговаривать. К тому ж ты кто? Просто бандит.

Судя по тому, как пленный напрягся, ему доводилось кое-что слышать о партизанах и об их своеобразных методах – особенно по отношению к тем, кто поступил к немцам на службу.

– Ну так как? – поднапер лейтенант.

– Так все равно ж расстреляете... – наконец ответил он.

---

⁶ Старшего ефрейтора. В вермахте было пять солдатских званий, в Ваффен-СС – три. Солдаты войск СС носили не черную, а тоже серо-зеленую форму, только слегка отличающуюся по тону.

⁷ Старшего сержанта.

⁸ «Говори, сволочь, откуда ты взялся?»(Укр.) Чтобы не утяжелять текст, далее все диалоги будут на русском.

– Так тебя еще судить будут, а суд у нас гуманный. А если тебя я сейчас допрашивать буду, ты сам будешь смерть звать.

Пленный вздохнул. Похоже, смерти он не боялся. По той причине, что человек смертельно устал. Не физической, а моральной усталостью, когда человеку уже все равно. Но мучиться-то все одно не хотелось.

– Ладно, раз поймали. Данила Басюк, штурман⁹, дивизия СС «Галичина». Сам из-под Львова.

– Что по лесам бегал?

– А куда мне? Все одно расстреляете. Ваши наших в плен не брали.

– Теперь война кончилась, дела другие. Кто остальные?

– Двое, кроме меня, – наши. Трое – добровольцы из СС. Двое эстонцев. А один то ли швед, то ли норвежец. В общем, откуда-то с севера. Командир, танкист, – немец. Он говорил, я, дескать, никогда не сдамся.

– И что вы собирались делать?

– А бис его знает. Иногда думали – на Запад прорваться. И в общем, так получалось...

– А немца зачем в городе убили?

– Немца? Это не мы!

– И машину подбили не вы?

– Машину – мы. Жрать-то что-то надо. А там одно вино оказалось. Никто из нас тут и не знает никого и ничего. Немец-то – он из Баварии.

– Ладно, двинулись в обратный путь. Пленного не потеряйте!

На обратном пути Копелян подошел к Мельникову.

– Лейтенант, как думаешь, он правду говорит?

– Похоже на то. На машину напасть или, допустим, ферму ограбить – в их стиле. Но устраивать такую уголовщину... Что-то не похоже. Я вот только не пойму. Эти украинцы и эстонцы – они предатели. Их и в самом деле не очень-то в плен брали. Но вот немец? Такой нацист, что ли? Или этот, который швед или норвежец.

– Могу тебе сказать как историк, хоть и недоучившийся. После любой войны такие остаются, которые остановиться не могут. А скандинав, так он по международному праву считается не пленным, а наемником. Швеция ведь не воевала. А раз наемник... Тоже в Сибирь не хотел. Слушай, ты вот немецкий знаешь, украинский знаешь... А какие еще?

– Белорусский, понятное дело. Польский неплохо. Сербский.

– А этот-то откуда?

– А были у нас в соседнем отряде сербы. Их фрицы в армию призвали. А им воевать за них не хотелось. Вот они к нам и перебежали. Немцы, кстати, к нам тоже перебежали. Поглядели, что их соотечественники у нас вытворяют, кое-кто и не выдерживал. А с сербами я так, болтал время от времени, вот и научился.

– Везет кое-кому, – вздохнул армянин. – Я вот и русскому-то с трудом выучился. А немецкий так и не осилил.

– Это уж не моя заслуга. Кто-то поет хорошо, кто-то стихи пишет. А у меня, один студент говорил, как это... врожденный лингвистический талант. Ладно, самое главное, что никаких партизан в округе нет. Хотя, кто же того немца убил?

---

⁹ Ефрейтор.

Глава 2. Смерть не приходит одна

Вечером в комендантском взводе разговоры, разумеется, крутились вокруг ночного боя.

– А что, лейтенант, как думаешь, дадут тебе за это медаль? – спросил Копелян.

– Было б за что. Если б в отряде нам за каждый такой случай медали давали, мы б сейчас ходили вроде древних богатырей – вся грудь в железе. Те, кто жив, конечно, остался. Меня-то раненым вывезли, когда все более-менее хорошо было. А потом, я слыхал, круто нашим досталось. Перед самым нашим наступлением немцы вообще озверели. А вот стреляешь ты, Оганес, косовато. Сразу видно – артиллерия, привык к более серьезным калибрам. Надеюсь, что больше стрелять не понадобится. Хотя... Черт его знает. Наверняка ведь много всяких недобитков осталось, по которым веревка плачет. Для них-то война не кончилась. Не все ж драпануть успели. Да и некуда тут было особо драпать. Где-то ведь отсиживаются.

– Да, всякие бывают случаи, – подал голос Никифоров. – Вон ребята-шоферы рассказывали. Под Оршей одного такого нашего поймали. В лесу сидел три месяца. Ему жена еду носила. Старостой был. Так он на коленях перед ними стоял – только через деревню его не ведите.

– И что?

– Повели... А дальше вести уже некого было. И даже особо хоронить было нечего. Если только по кусочкам собирать...

– Нет, бабам нельзя давать на расправу, – покачал головой Мельников. – Жуткие они вещи делают... Мы вот в отряде были против жестокости. Полицаев мы просто вешали. Ну разве что какой-нибудь волостной староста попадался или повыше. Тогда-то конечно. Такие петлей не отделялись. Но потом другая установка вышла – кто из полицаев сам перебежал, того брали в отряды. Мы, правда, не брали. Но мы вообще мало кого брали.

– Элита, – усмехнулся Копелян.

– Вроде того. У нас командиром был пограничник, у него не забалуешь. Зато и воевали мы... Пленные немцы говорили – они были убеждены, что мы – это заброшенная из Москвы элитная диверсионная часть.

– А немцы? Пленные? Что с ними делали, товарищ лейтенант? – спросил молодой рядовой Егоров, который сидел в сторонке и жадно слушал рассказы про войну, на которой он не успел побывать. Парень даже не представлял, насколько ему повезло...

– Какие пленные, парень? У нас, знаешь, тыла не имелось, отправлять пленных было некуда. Обычных солдат мы просто ставили к стенке. А вот каратели... Кто в руки к партизанам попадался – тот сто раз проклинал, что родился на свет.

Мельников потянулся к бутылке с вином, но передумал.

– Надоело мне эту кислятину пить. Рядовой Егоров!

– Я! – вытянулся солдат.

– К одному бегом марш!

– Я по-немецки...

– На слова «цвай шнапс» тебя хватит. И скажи еще «лейтенант». Он поймет, что для меня. Бегом, я сказал!

Но выпить не удалось. Молодой, выскочив, вскоре ворвался с вытаращенными глазами.

– Товарищ старший сержант! Там стреляют!

– Из чего?

– Да... – замялся Егоров. В самом деле, где б он умел научиться различать звуки выстрелов?

– Мать твою! Сколько раз стреляли?

– Два...

Мельников схватил автомат.

– Копелян, Никифоров, за мной! Егоров, показывай, где и что.

Они выскочили на ночную улицу.

– Где?

– Вон откуда-то оттуда.

– Егоров, не маячь посреди улицы, прижмись к домам, идиот! И бегом обратно в дом! – прикрикнул Сергей на салагу.

Трое бывалых солдат двинулись по разным сторонам улицы. Вокруг висела глубокая провинциальная тишина, которую нарушал только треск кузнечиков. Городок спал. Луна с неба тарачилась на зрелище, казалось бы, уже ушедшее в прошлое – на трех людей с «ППШ», крадущихся вдоль стен. Никакого движения в домах не наблюдалось. Глухомань глухоманью – но война все-таки наложила свой отпечаток на местных обывателей. При звуках выстрелов люди старались не высовывать носа.

...Впереди показалась тень. Мельников вскинул автомат, но в последнюю минуту удержал палец, уже готовый нажать на курок. Он разглядел одноногий силуэт того самого инвалида, к которому не добежал Егоров.

– Фридрих, чтоб тебя... – Мельников загнул чрезвычайно многосложное немецкое ругательство. – Под Сталинградом тебя не убили, так хочешь, дома пулю получить?

– Я слышал – стреляли. Из нашей... Из маузеровской винтовки. Откуда-то оттуда, где развалины пивоварни, – Франц показал рукой в темноту в сторону низкого холма.

– Куда стреляли, не понял? – спросил между тем лейтенант.

– Я думаю, вон по тому дому. – Немец кивнул на строение, стоящее на краю городка. – Я слышал звон стекла...

– Поглядим, по кому это ведут огонь. Ованес, двигаем. Никифоров, прикрой.

Вряд ли, конечно, стоило ждать от этого дома каких-нибудь неожиданностей, но лучше уж перебдеть, чем недобдеть. Они перебежали к небольшому дому, похожему, как и все остальные, на красивую игрушку. Добежали до крыльца и прижались к стене. Следом подтянулся ефрейтор.

– Я думаю, оттуда стрелять не станут, – сказал он.

– Мне тоже так кажется.

Мельников резко дернул дверь. Она была заперта, но со второго раза что-то треснуло, а с третьего щеколда слетела. Сергей проскочил в прихожую и оказался в гостиной. На большом круглом столе горела керосиновая лампа. В деревянном кресле с высокой спинкой сидел человек – тоже немолодой, как и вчерашний убитый. У него была аккуратно прострелена голова. Оконное стекло было разбито.

– Дела... – покачал головой появившийся Копелян. – Еще один убитый старый немец...

– Посмотри лучше в стене, может, найдешь вторую пулю.

Мельников взял лампу и принялся осматривать стену.

– Есть! Дай-ка твою финку.

Он поковырялся и достал пулю.

– Одноногий правильно сказал. От немецкой винтовки.

– Слушай, а я ведь помню этот холмик, возле города, где какие-то развалины. – Мельников по привычке изучил все подходы к городку. – Далековато. Разве что из снайперской... Да и то – удачный выстрел.

– Никифоров! За майором! Только поглядывай!

Ефрейтор выбежал, а Мельников закурил.

– Слушай, лейтенант, а ведь это уже становится интересным. Кто-то, похоже, начал планомерную ликвидацию пожилых герров, – подал голос армянин.

Между тем Мельников оглядывался. Что-то его беспокоило, но он не мог ухватить, что именно.

– Странный дом какой-то, – заявил между тем Копелян. – Как в гостинице.

О! Вот оно что! А ведь тот дом тоже производил подобное впечатление. Старший сержант огляделся получше. В самом деле, обычно в доме, где человек жил длительное время, есть какая-то «обжитость» – разные мелочи, безделушки, фотографии на стене, в конце концов. Даже в землянки солдаты старались внести какой-то уют. Что наши, что немецкие. А тут, в самом деле, было как в гостинице. То есть все чисто, по-немецки аккуратно – но никаких признаков индивидуальности. И ведь в том доме, Копелян прав, тоже пожилой герр... Интересно выходит. Мельников повернулся к старшему сержанту.

– Слушай, посмотри на улицу – там Фридрих не околачивается? Если да – тащи сюда. Копелян вышел и вскоре вернулся с солдатом разбитой вражеской армии.

Он увидел труп и покачал головой.

– Ты знаешь этого человека? – спросил Мельников.

– Зовут Август Шахт. Он приехал, когда я был на фронте.

Оба оно как! И этот «чужак». В таких городках, что в России, что в Германии, новые жители появляются нечасто.

– Кто он?

– Чем он занимался, никто не знает. Но он, когда ваши пришли, снова исчез на некоторое время. Тогда многие в беженцы подались. Но он вернулся. И... Ведь вернулся-то он, когда ваша контрразведка уже основную работу сделала.

В коридоре раздались шаги, и появился заспанный майор. Выслушав доклад о случившемся, он коротко ругнулся.

– А я как чувствовал, что здесь дело непростое. Перед выходом позвонил в Линк. И мне сказали – пока, мол, сами разбирайтесь. Вот ты и разбирайся.

– Почему я, товарищ майор?

– А кто? Ты у нас разведчик? Да и если тебя немцы по лесам не поймали за три года, значит, голова есть на плечах. Вот и работай этой самой головой. А там, может, приедут откуда надо...

Отдав приказание, майор удалился, сердито гремя сапогами.

– Как всегда в армии, – съехидничал Копелян. – Начальство спихнуло головную боль на подчиненного. Теперь тебе останется приказать заниматься этим мне. А я прикажу Егорову...

– Да уж ладно. Только ты мне помогай. Ты хоть школу закончил. С чего надо начинать-то?

– Как написано в книжках про Шерлока Холмса, с осмотра места преступления. Пулю мы уже нашли...

Между тем Мельников приблизил лампу к убитому. Один карман в его широком домашнем халате нехорошо оттопыривался...

Зверобой залез в карман и достал оттуда «Вальтер».

– Что бы нас всех!

Дело было серьезное. Для немца иметь в доме оружие – даже охотничье – значило нарываться на очень большие неприятности. Вплоть до расстрела. Война закончилась, но законы военного времени продолжали действовать. А уж таскать в кармане армейский пистолет...

– Слушай, лейтенант, на кой черт ему эта игрушка? Он всегда ее таскал в кармане?

– Да нет, Оганес. Я думаю, только с сегодняшнего утра.

– То есть...

– А что? Вот смотри – два «чужака». Одного убивают. Так, может, второй знал, за что? И решил, что помирать ему рановато? Достал припрятанный где-то пистолет...

– Стоп! Фридрих, еще «чужаки» есть?

– Еще один. Отто Хансен. Через две улицы. Найти просто... – Бывший солдат вермахта по-военному коротко и точно объяснил дорогу.

– Бегом!

Мельников, Капелян ринулись туда. Следом топал Никифоров. Он вернулся вместе с майором и остался, хотя ему никто не приказывал.

– А ты куда? – обернулся Зверобой. – Вернуться назад, охранять дом. Не пускать никого!

Никифоров двинулся назад, а остальные продолжили путь. Тем временем луна скрылась за облаками, стало совсем темно. А вон этот дом, на углу небольшой площади. И тут послышались выстрелы. Три штуки – из окна того самого здания.

– А, гад! – закричал армянин, и воздух рассекала резкая короткая автоматная очередь.

– Кончай палить! Может, он принял нас за тех... Кто за ними пришел... – И Мельников закричал: – Эй, Хансен! Я лейтенант Мельников! Прекратите огонь и выходите с поднятыми руками!

Он повторил фразу еще раз, в ответ грохнул один выстрел.

– Так, сдаваться он не собирается. Ну что ж, не хочет по-хорошему...

– Слушай, лейтенант, может,ждемся наших? Они наверняка слышали стрельбу...

– Ага, и заодно вызовем для поддержки штурмовиков. Проще надо быть. Прикрывай меня, если будет стрелять, лупи по верху окна, чтобы не задеть. И ори что-нибудь по-немецки. Хоть «хенде хох».

Мельников сделал рывок вдоль площади и оказался возле дома, вплотную примыкавшему к тому, где засел беспокойный герр. Он прокрутил в мозгу задачу. Интересно получалось. В своей жизни Зверобой взял множество «языков» – но почти всегда действовал внезапно, со спины. Домов ему пришлось штурмовать еще больше – но в этом случае обычно брать в плен там было уже некого. К тому времени, как он попал в регулярную армию, наши солдаты давным-давно переняли у немцев прием: сперва в помещение дают очередь или бросают гранату, а потом уже входят. Быстро, выгодно, надежно. Тем временем Капелян орал приказание сдаваться. С армянским акцентом, но в общем-то грамотно. Мельников запомнил окно, из которого стреляли. Он подобрался к соседнему. К счастью, дом стоял на низком фундаменте, задача упрощалась. Зверобой прикладом «ППШ» выбил окно и, подпрыгнув, довольно-таки неуклюже перевалился внутрь. Потерял форму в госпитале... Перекатился, вскочил на ноги. В темноте угадывались очертания кухонных предметов. И тут стало светлее. Снова показалась луна. Мельников взял автомат наизготовку и крадучись вышел в коридор. В темноте легко подкараулить. Но старший сержант положился на свое чутье. Он не то чтобы выдал в темноте – человек не может видеть во мраке. Но ощущал присутствие опасности – как и мог спокойно находить дорогу без света. А как же! Побегайте три года по лесам и болотам, поиграйте в прятки с егерями¹⁰. И не тому научитесь. Так вон, видимо, дверь в помещение, откуда стреляли. Открывается внутрь. Мельников ударил нее ногой и кувырком бросился следом. Уже падая, он различил у окна лежащий силуэт.

– Оганес! Топай сюда! Мы весь цирк устроили ради покойника, – заорал он в окно.

Мельников огляделся, увидел керосиновую лампу, зажег ее; потом нашел входную дверь и впустил товарища. Между тем на другом конце площади сталолюдно. Показались силуэты осторожно, но быстро продвигающихся солдат.

---

¹⁰ Егеря – солдаты, обученные для скрытных действий в лесу. Немцы использовали егерей для выслеживания партизанских баз.

– Во, всех ребят разбудили, – усмехнулся Зверобой и закричал: – Ребята, все нормально, это Мельников! Можете идти спать.

Появился майор Щербина.

– Что, еще один?

Мельников осмотрел тело.

– Этот сам. Вон, пистолет – а вон дырка в виске.

– Что за черт! Ладно, я еще раз доложу в Линк, а пока повторяю приказ: разбирайтесь сами!

Майор оказался на улице, откуда послышался его бас:

– Все, а ну пошли назад. Нечего тут... Там Мельников. Его сейчас беспокоить запрещаю. Что? Вот его и спросишь завтра... Разговорчики!

Вообще-то сладить с фронтовиками, разболтавшимися за несколько месяцев бездельной жизни, было непросто. Но стрельба, видимо, настроила солдат на серьезный лад. Из окна было видно, что им очень хочется расспросить лейтенанта и Копеляна, но, тем не менее, вскоре площадь опустела. А в окрестных домах не произошло никаких перемен – никакого шевеления, никакого звука. А ведь до войны после такого наверняка все бы носы высунули. Впрочем, до войны вряд ли тут такое случалось.

Мельников снова посмотрел на труп. Этот был моложе, лет сорока пяти. То есть, таких немцы стали призывать уже в самом конце войны.

– Я как его увидел, так сперва подумал, его ты, Оганес, зацепил. Что он, уже умирая, дал последний выстрел. А все получается не так. А какой мы цирк вокруг покойника устроили... Смех, да и только. А я... Плюхнулся, как мешок с известным веществом. Отяжелел. Много жру и пива пью много.

– погоди. Что получается? Не слышать он тебя не мог. Ты ревел, как сирена. Выходит – он тебя услышал и покончил счеты с жизнью? Значит, он все-таки нас боялся? – размышлял Копелян.

Мельников задумался.

– Нет, не выходит. Тогда ему сразу имело смысл пускать себе пулю в башку. Зачем было отстреливаться? Нас в городке тридцать человек. Уж лучше в лес податься. Хотя долго по лесам побегаешь? Немцы – они ведь такие... Кормить и укрывать не будут. Сдадут нашим без колебаний.

Это было верно. Жители германских населенных пунктов активно помогали в отлове всяких субъектов, шатающихся по местным лесам. Опять же – порядок есть порядок. Война закончилась. А значит, нечего тут...

– Лейтенант, я думаю, он просто совсем дурной стал? Испугался, да?

Вообще-то Оганес отлично говорил по-русски, лишь слегка разбавляя великий и могучий кавказским акцентом. Но когда он был возбужден или задумывался, то начинал говорить неправильно.

– Да уж, наверное, испугался. Иначе хотя бы поближе подпустил. И так стал садить в белый свет. Слушай, а я что думаю. Он ведь мог всех бояться. И этих, которые устроили тут войну после войны. И нас. Слышал ведь, что одноногий сказал. Они занимались чем-то непонятным. Может, таким, что к нашим лучше не попадать.

– И спокойно так вот сидели? И наши смершевцы их пропустили?

– Эти-то как раз могли. В нашей округе, сам знаешь, они как-то вообще вяло работали. Но вообще-то, самый лучший способ скрыться – во время войны – отсидеться в глуши. Вон мы в Белоруссии встретили двух окруженцев. Они до весны сорок второго отсиживались в деревне. Она была среди болот, туда немцы и полицаи вообще ни разу не совались. Эти-то ребята в отряд ушли, а ведь могли бы там и всю войну пересидеть. И эти немцы... Посидели

бы, как мыши, еще немного. Огляделись бы. А потом выбрались потихоньку. Да вот не сложилось. Ладно, ты лучше скажи – что этот твой Шерлок Холмс дальше делал?

Копелян засмеялся.

– Это ведь не учебник для милиционеров. Это художественная литература. Но дай-ка вспомню... Знаешь, этот Шерлок Холмс был шибко глазастый, все подмечал. Следы, пепел от сигары... И делал выводы. Ты разведчик, ты должен понимать.

– Это он правильно. Только какие тут следы...

– Ах, да. Расспросить надо всех, кто мог что-то знать.

– И то правда. Они ж не призраки. А начнем-ка мы с официальных лиц. Бургомистр ведь должен знать, кто живет в его городе? Должен. Вроде как наши всем немцам выдавали документы. Вот и пойдем к нему.

– Так ведь ночь.

– Встанет! Мы, советские солдаты, не спим из-за каких-то дохлых фрицев. Я, может, к Марте под бочок хотел бы сейчас забраться. А тут бегай, как проклятый.

Мельников врал. На самом-то деле ему стало интересно. Задача увлекла. Честно говоря, полутора месяца ничегонеделания ему вполне хватило. Снова хотелось дела. Так что по большому счету он был рад, что так все обернулось. И в первый раз пришла в голову мысль о дальнейшей жизни. До этого старший сержант как-то об этом не задумывался. В армии ему оставаться не слишком хотелось. Даже если бы оставили. Что-то ему подсказывало: в мирной армии таким, как он, делать нечего. Характер слишком беспокойный. Разведка – это да. А тянуть служебную лямку как-то не хотелось. Но с другой стороны – больше он ничего не умел. А вот, может, в милицию попроситься? Ловить воров и бандитов. Оганес как-то сказал, ссылаясь на исторический опыт, – после войны их будет пруд пруди.

Между тем они дошли до дома бургомистра, который жил рядом с ратушей – забавным старым кирпичным зданием со шпилем и часами, которые, несмотря на все перипетии войны, точно шли и исправно отбивали время. Вот и теперь, когда они вышли на главную городскую площадь, часы гулко пробили три раза.

Лейтенант постучался в крепкую дубовую дверь дома городского головы. Против ожидания, она быстро распахнулась, оттуда даже не спросили кто. Впрочем, возможно, их видели идущими через площадь.

Бургомистр был слегка полным представительным круглолицым мужчиной. Разумеется, пожилым. Молодые, конечно, те из них, кто остался жив, сидели по лагерям военнопленных.

Несмотря на глухой час, бургомистр был одет как полагается: строгий добротный костюм и даже галстук. Впрочем, это понятно. Комендатура располагалась рядом – так что он не мог не видеть суету. И стрельбу, разумеется, слышал. А потому был готов исполнять обязанности главы города. Нет, что ни говори, в немецкой добросовестности есть свои преимущества.

– Добрый вечер, господа. Или, скорее, уже доброе утро. Проходите, я всецело к вашим услугам.

Дома у городского головы Мельникову еще не приходилось бывать. Гостиная оказалась просторной, обставленной старинной тяжелой мебелью, вызывающей ассоциации с готическими соборами, которых лейтенант насмотрелся в Литве. На стенах висели картины – какие-то пейзажи.

– Чаю?

– Да нет...

Мельников так и не мог привыкнуть к немецкой манере угощать гостей – когда к чашке чая прилагаются печенья по числу посетителей. Как объясняла ему подруга Марта, это происходило не от жадности, а от экономности. Для русского человека такие обычаи выгля-

дели диковато. А уж тем более – для друга Мельникова – широкого тбилисского армянина. Так что уж лучше не связываться с этим чаепитием.

– Герр бургомистр, сегодня ночью случились большие неприятности. Август Шахт был убит, а Отто Хансен покончил с собой, когда увидел, что мы хотим с ним побеседовать. По приказанию военного коменданта до прибытия соответствующего представителя властей я занимаюсь этим делом.

– Господи, когда же это кончится, – вздохнул городской голова. – Долго еще нам, немцам, придется переживать последствия того, что натворил Гитлер.

Так нечего было за него голосовать в тридцать третьем – чуть не брякнул Мельников. Но, конечно, сдержался.

– Вы как глава города должны были знать о том, что из себя представляли убитые. Кто они были такие? Чем занимались? Откуда они здесь взялись? Но начнем с самого главного. Они ведь должны иметь соответствующие документы, выданные нашими властями?

– Все документы у них были в порядке. Они были выписаны в Алленштайне, в тамошней комендатуре. И это были какие-то особые документы... А сами эти люди – они тут редко бывали. При старой власти они были какими-то мелкими служащими. Вроде бы в Алленштайне. Ваши контрразведчики ими не заинтересовались...

– Но они появились тут только в сорок третьем году?

– Да, но тогда, вы знаете, людей часто переводили с места на место. Про них никто ничего не знает – они ни с кем не общались...

Мельников чувствовал: бургомистр чего-то боится. Сильно боится. И явно недоговаривает. Он решил пойти напролом.

– Господин бургомистр, вы знаете, у нас в России есть такое прекрасное место – Сибирь. И у вас есть все шансы там очутиться. Ведь если я сообщу в нашу контрразведку, что вы упорно скрываете правду, они снова приедут с вами побеседовать... А они люди обидчивые. Когда узнают, что в первый раз вы их обманули...

– Но, господа, я сказал все, что знаю!

– Вот им и расскажите. Так я посылаю фельдфебеля в комендатуру, чтобы он вызвал контрразведку? Вы там у них расскажете про вашу связь с партизанской бандой, которую мы уничтожили...

На бургомистра жалко было смотреть, он чуть ли не позеленел от страха. Мельников почувствовал, что попал в точку. Точно ведь, гад, что-то знал! Интересно, а почему его смершевцы не раскололи?

Мельников уже начал опасаться, что бургомистра хватит удар. Наконец он несколько пришел в себя. Но дело решила его жена. Она вошла в комнату и сказала с порога:

– Гюнтер, скажи им все!

– Господа, никакой связи с этими бандитами у меня не было! Я клянусь! Я про тех трех людей... Я точно ничего не знаю, я только догадываюсь. А ваши контрразведчики про это даже не спрашивали. Я так думал – если они получили документы, значит, ваши люди и так узнали все, что нужно. Поймите, я мирный человек, я никогда не сочувствовал нацистам, я всегда старался держаться подальше от этих игр. Я просто выполнял свою работу. Я так же выполняю ее и при новой власти...

– Так о чем вы догадывались?

– Эти люди работали не в Алленштайне. Они были как-то связаны с секретным объектом на востоке.

– В России?

– Нет, я имею в виду окрестности. Восточнее нашего городка, точнее, юго-восточнее, была запретная зона.

– Туда ведь нет дорог!

– Туда есть дорога. Ее нет на карте.

– Что было на объекте?

– Это никто не знает. Запрещено было даже туда приближаться. Жители нашего города вообще боялись ходить в ту сторону.

Мельников усмехнулся. Дело знакомое. Из разговоров с немцами он понимал, что многие из них, если не большинство, старательно закрывали глаза на то, что происходило при нацистах. Старались этого не видеть и об этом не думать. Знаете, как это бывает: пьяный хулиган дебоширит в трамвае, а люди сидят и смотрят в окна. Делают вид, что ничего не происходит. Так получалось и в Германии: никто ничего не знал! Конечно, нацисты обожали всякую секретность, но для того, чтобы не видеть очевидное, надо постараться. Что-то я отвлекся, оборвал себя Мельников. Если там был военный объект, то тогда, конечно...

– А когда там все перекрыли? В смысле – устроили запретную зону?

– В конце сорок третьего. Но, видите ли, туда всегда ходило мало людей. Там нечего делать. Лес и болота. Безлюдные места... До войны окрестности озера посещали исключительно любители утиной охоты.

Вот те на! Мельников, конечно, не особо знал Восточную Пруссию, но кое-что повидал. Ему казалось, что здесь всюду население кишмя кишит. А оказывается, не все так просто. Но бог с ним, с этим объектом. Не нашего это ума дело. Вернемся к убитым и самоубийцам.

– Господин бургомистр, кто были эти люди? Они были военные или «черные». Я хотел сказать – эсэсовцы.

– Этого я не знаю. У одного была выправка явно военная. Двое остальных на военных не были похожи.

Больше ничего путного добиться не удалось. Мельников долго думал, брать бургомистра под арест или нет? Но потом решил ограничиться полумерами. Послал Копеляна, тот привел еще одного бойца, которого и поставили охранять дом. Так сказать, домашний арест. Приедут серьезные люди, пусть они и решают.

Когда они наконец расправились с делами, уже рассветало. Мельников пересказал товарищу содержание беседы.

– А то, что все это мне сильно не нравится, – подвел итог старший сержант.

– Да уж чего хорошего...

– Я не о том, я об этом объекте. Немцы, конечно, любили создавать всякие запретные зоны. Но сам посуди. Война кончилась, а людей убивают. Зачем?

– Постой, в первом случае же все вывернули, а во втором...

– Может, они и хотели замаскировать все под ограбление? Мы ведь и поверили. А второй раз не вышло. Этот самый Шахт был начеку. А убить его было надо.

– Получается, мы помогли каким-то гадам, сами того не желая?

– Выходит, так. Слушай, а как это ты его так мастерски разговорил? Я, конечно, по-немецки через пень колоду понимаю, но интонации-то чувствуются...

– Видал я в партизанах, как наши особисты работают. Да и у фрицев тоже учился. Были у нас люди, которые попадались к фрицам, а потом им удавалось уйти. Их всегда подробно расспрашивали, как говорили, да что им говорили...

– А я-то думал, в гестапо сразу пытаться начинали.

– Не сразу. К тому же чаще нашими не гестапо занималось, а тайная полевая полиция¹¹. И они не всегда сразу с мордобоя и пыток начинали. Но что мы узнали? Да, в общем, ничего.

---

¹¹ Тайная полевая полиция (ГФП) – структура, подчиненная абверу. Иногда ее называют «гестапо вермахта». В задачу ГФП входило поддержание безопасности в немецких войсках и борьба против партизан. В первый период войны основные антипартизанские операции организовывались именно ГФП.

Хотя... Поняли, что дело действительно серьезное. Нам остается для начала – доложить о результатах.

Глава 3. О пользе стукачей

6 июля 1945 года, Зенебург

– Слушай, может, закончим эту нашу самодеятельность? – спросил Оганес, прихлебывая чай. – Тут явно должны разбираться серьезные люди, которым это по службе положено.

– Это верно. Но только понимаешь... Вдруг эти люди крутятся где-то рядом. Уйдут – и с концами. Я же не предлагаю лезть искать тот самый объект. И даже знаю, кто нам поможет. Фрау Эрна. Что она не знает, я думаю, в этом городке не знает никто.

И ведь как накликали. Городская стукачка появилась сама, как из-под земли. На этот раз выражение было не скорбно-торжественным, а просто гордым – как у кошки, несущей в зубах мышь.

– Доброе утро, герр лейтенант. Я к вам. Вы ведь расследуете убийства?

Оба оно как! Тетка уже все знала. Впрочем, деревня есть деревня. Что наша, что немецкая. Копеляна фрау совершенно игнорировала. Что, в общем, понятно. В немецкой армии была иная иерархия, нежели в советской, – и офицер стоял неизмеримо выше какого-то там обер-фельдфебеля. Офицер – это была уже совсем иная каста. И перепрыгнуть через эту разделительную черту было весьма непросто. Это не в Красной Армии, где Мельников после трех месяцев курсов надел офицерские погоны. Немцы любят и понимают чины и звания. У них с этим строго.

– Доброе утро, фрау Эрна, – приветливо улыбнулся Мельников. При желании он умел быть чрезвычайно обаятельным. – Я как раз хотел расспросить вас об убитых.

Удивительно, но на этот раз фрау Эрна сделала нетерпеливый жест. Но противоречить не стала.

– Эти... Они работали в Черном лесу. Это секретный объект. Там вот, – фрау показала на восток. – Его строили пленные. А эти – эсэсы. Инженеры-строители. Они занимали там какие-то большие должности...

Вот вам и сверхсекретность! Простая стервозная тетка знает больше, чем бургомистр. А чем черт не шутит – может, она знает, и что там такое строили? Так и спросил. Фрау Эрна сделала еще более нетерпеливое движение. Да что с ней такое? Понос разобрал?

– Там возводили какие-то подземные сооружения. Но, герр лейтенант, я могу сообщить вам нечто гораздо более интересное. Я знаю, где скрываются люди, которые натворили безобразий вчера и ночью. Или, по крайней мере, скрывались.

Мельников аж поперхнулся чаем.

– И где?

Стукачка показала на юго-восток.

– Там есть домик лесничего. Последние несколько лет он пустует. Сегодня с утра на рынок приезжали фермеры.

Я слышала, дети говорили, что в этом домике кто-то живет.

– А где эти дети?

– Они, наверное, уже уехали. Но родителям они вряд ли скажут. Я слушала, как они об этом договаривались. Но если и скажут – крестьяне будут держать язык за зубами. Они и прежним властям никогда ничего не говорили. И вам не будут. Такой уж они народ...

Это точно. Как и белорусские. Лучше помалкивать – целее будешь. Честно говоря, партизанам сочувствовали далеко не все. Хотя бы потому, что где партизаны – там каратели, которые расправляются, не разбираясь, кто прав, кто виноват. Но крестьяне все равно молчали. Так, наверное, и здесь. Вот горожане – они из другого теста.

– Благодарю вас, фрау Эрна.

– Я только исполнила свой долг. Я всегда на стороне порядка и против тех, кто его нарушает.

С этими словами фрау Эрна гордо удалилась.

Вот ведь кремень тетка! И ведь ей и в самом деле ничего не надо. Ни денег, ни славы. Как говорят, она и у нацистов никогда ничего не просила. Чудо германской природы.

Но размышлять об особенностях немецкого национального характера времени не оставалось. Мельников кинулся к майору. Тот выслушал хмуро.

– Слушай, что-то много у нас войны пошло. Начальство, говорят, скоро будет. Пусть оно и решает. Но я доложу в Линк.

Майор позвонил, у него вытянулось лицо и он даже встал по стойке «смирно».

– Есть! – гаркнул он уставным голосом. – Ну и дела! Там на меня аж наорали. Говорят, примите срочно все меры. Желательно взять живыми, но если не удастся – уничтожить. Уйти они не должны! – Майор задумался и наконец распорядился: – Вот что. Бери десять человек из тех, кто вчера с тобой был, и дуй со всех ног к этой чертовой избушке лесника. Займите вокруг огневые точки. Ничего не предпринимайте. Я с остальными подойду вслед за тобой. Тогда посмотрим, что делать.

– Так точно! Разрешите выполнять?

– Валяй.

Через пять минут десять бойцов выстроились перед особняком.

– Товарищ старший сержант, возьмите меня! – подбежал Егоров.

– Отставить. Там могут и стрелять.

– Но...

– Кругом марш! Выполнять!

Только еще не хватало, чтобы пацан остался в этой Восточной Пруссии. Мельников знал, что более всего людей гибнет в первом бою. Или во втором. Нет уж. Пусть радуется, что ему воевать не довелось.

Отряд двинулся на юго-восток.

Отряд шел по довольно жидкому сосновому лесу, по узкой тропке. Мельников двигался впереди и внимательно смотрел на дорогу. Внезапно он поднял руку. Солдаты замерли, держа оружие наизготовку. Зверобой привел и внимательно осмотрел тропку там, где она проходила через сырое место.

– А ведь не зря гуляем. Несколько часов назад тут проходили двое. В подкованных австрийских ботинках¹². Не грибы же они тут собирали. Внимание! Смотреть в оба!

Дальше шли уже гораздо осторожнее. Мельников выдвинулся еще дальше от основного отряда. Солдаты комендантского взвода в большинстве были артиллеристами. Хоть с ним сейчас шли лишь опытные фронтовики, все-таки это были не разведчики. А судя по тому, как неизвестный обращался со снайперской винтовкой, это был совсем не новичок. Получить пулю из чащи очень не хотелось. Поэтому Мельников внимательно оглядывал местность. Но пока ничего подозрительного не наблюдалось.

Впереди замаячил просвет. Знаком Зверобой дал команду оставаться на месте, а сам пополз вперед – и вскоре достиг опушки. Вот и домик лесника. Он стал посредине большой поляны, на противоположной стороне которой возвышался более серьезный лес, чем тот, в котором они сейчас находились.

Когда-то дом, видимо, был миленьким строением, но несколько лет жилище явно пустовало. Немцам было уже не до лесов. Мельников порадовался, что догадался прихватить у майора артиллерийский бинокль. Он не спеша стал осматривать дом. Возле двери что-то

---

¹² До 1938 года солдаты австрийской армии носили не сапоги, как немцы, а высокие ботинки. Потом перешли на форму вермахта. Но в конце войны использовались все запасы снаряжения.

валялось. О! Ярко-красная бумажка от шоколада. Значит, там точно кто-то есть. И этот «кто-то» жрет армейский немецкий шоколад. Но дело-то выходило гнусное. Домик был кирпичный – и вокруг простиралась открытая местность. Такой не очень-то возьмешь. Мельников вернулся к своим:

– Значит, так, окружаем его со всех сторон. Потом посмотрим. Без команды – огонь не открывать!

Солдаты, перебегая между чахлыми сосенками, стали занимать удобные для обстрела места. Все шло как надо – и тут... Из домика раздалась автоматная очередь. Огонь вели из «МР-40». Откуда-то справа ответили. Мельников бросился туда.

– В чем дело?

Лежащий за кочкой уса́тый украинец Коваленко доложил:

– Они не нас засекли, они пацанов засекли. Вон там, в ельнике.

Что за пацаны? Мельников навел бинокль на островок из нескольких елок. Там и в самом деле сидели какие-то мальчишки. Что за черт? Ах, да. Наверное, это те самые, кто обнаружил, что в избушке кто-то живет. Мальчишки – они всюду одинаковы. Полезли поглядеть. Вот там, в доме, и заметили их наивные попытки прятаться...

Так все и было. Огонь шел по ельнику, где наших не сидело.

– Коваленко! Лупи по окну! Чтобы ни одна рожа не высунулась.

Солдат добросовестно стал выполнять приказание, а Мельников преодолел короткое открытое пространство и плюхнулся в ельник. Поверху прошло несколько пуль – но украинец дело свое знал. Высунуть нос тому, кто в доме, было сложно. Под одной из елок и в самом деле лежали двое пацанов лет восьми. Они, конечно, плохо представляли, что происходит, но – вот ведь поколение, выросшее в войну, – лежали смирно.

– Вниз! Туда! – заорал Мельников, указывая на небольшую яму.

Нет, все-таки немецкое воспитание имеет свои плюсы. Услышав лейтенантское рывкание, дети, как автоматы, полезли туда, куда он указал. А Мельников ударил длинной очередью по окну.

С другой стороны из дома стрелял еще один автомат. Ему отвечали наши из леса. В общем, шла довольно бестолковая перестрелка.

В ельник вломился Копелян и рухнул рядом.

– Что будем делать?

Вот в том-то и вопрос. Если у тех, в доме, есть мозги, зацепить их трудно. Но и им высунуть нос не легче. Три месяца назад Мельников попробовал бы пойти на штурм. Но... Оттуда стреляют. Он представил, что кому-то из родственников наших ребят завтра отправится похоронка. После Победы. Нет уж, лучше пусть все идет по правилам.

Пусть теперь походят остальные. Такими силами мы их дождем в любом случае. Ведь когда-то у них кончатся патроны. Вряд ли у них там арсенал. Но с другой стороны... Приказано-то взять живыми. А вдруг эти типы будут действовать по принципу – «последний патрон в себя»? И вдруг ему в голову пришла дикая мысль. Он вспомнил, что Копелян подбрал где-то ракетницу. И зачем-то постоянно таскал ее с собой. Впрочем, что только не таскали солдаты комендантского взвода

– Оганес, ты свою ракетницу не прихватил?

– Так точно.

– Ракеты есть?

– Пара штук.

– Давай сюда!

– Оганес! Вот ты лично паси окно.

– А ты?

– Я попытаюсь заняться иллюминацией.

Мельников выскочил из леса, по нему из дома врезал автомат. Но Копелян и Коваленко знали свое дело. Из окна стреляли как-то неуверенно. До дома оставалось метров двадцать. Мало – но только если у тех, в доме, нет гранат. Мельников залег за какую-то кочку, достал из-за пояса ракетницу, старательно прицелился в окно и нажал на курок. Тихо хлопнул выстрел – и через секунду Мельников убедился, что не промахнулся. Ракета, оставляя дымный шлейф, влетела в окно. Было слышно, как из дома послышался какой-то шум и гром.

– Оганес! Вперед!

Мельников вскочил и бросился к дому. Оттуда уже не стреляли. Судя по звукам, внутри происходило черт-те что. Он добежал до двери, которая так и осталась полуоткрыта. За ней был небольшой тамбур, а дальше – проход внутрь. Мельников всунулся туда – и тут же отпрянул назад. Лезть туда не имело смысла. То, что он мельком увидел, свидетельствовало, что он все рассчитал правильно.

...Из комнаты валил густой белый дым и тянуло резким пороховым запахом. Мельников представлял, что там происходит. Ракета, угодив в замкнутое пространство, стала метаться по комнате, отскакивая от стен. Зрелище это жуткое – особенно когда находишься внутри помещения. Тут уж ни о какой обороне речь не идет. Лейтенант, подняв автомат, ждал – если кто-нибудь, ошалев от тамошней невеселой обстановки, попробует вырваться наружу. Таких не было.

Тут подоспели Копелян и Никифоров.

– Что там?

– Фейерверк в отдельно взятом помещении. О! Кажется, наступила тишина. Порох в ракете прогорел. Добро пожаловать!

Они проникли в помещение, состоящее из одной большой комнаты. Сильно пахло пороховой гарью. Едкий дым мешал разглядеть подробности и отчаянно щипал глаза. Мельников увидел, что возле одного из окон спиной вверх лежит человек – судя по всему, мертвый. Он упорно пытался нащупать левой рукой рукоятку валяющегося рядом автомата.

Он был не ранен, но сильно пострадал от ракеты.

Зверобой с ходу отбросил ногой руку раненого.

– Хватит, приятель, постреляли.

И только тут посмотрел в лицо своего противника. Это был человек, заросший многодневной щетиной, которая, тем не менее, не могла скрыть его впалых щек. На голове у незнакомца было немецкое кепи, форма же – без знаков различия, какая-то серо-бурая. Впрочем, в последний период войны немцы одевали своих солдат во все, что находилось на складах. В ход шла даже советская зеленая материя, которую тогда еще победоносные части вермахта захватили в сорок первом. На ногах – подкованные австрийские ботинки. Но этот тип выглядел совсем не так, как те доходяги из леса. Все на нем было целым и достаточно чистым. Мельников перевернул второго. С причиной смерти все ясно – его достали с улицы. Форма была такой же невнятной, как и у первого. А вот на ногах были немецкие солдатские сапоги... Убитый тоже был давно не брит, но обмундирован чисто.

– Серега, что это он? – отвлек Мельникова от размышлений голос Копеляна.

Оганес стоял возле раненого. Тот судорожно выхаркивал какие-то отрывочные слова.

– Слушай, может, я чего-то не понимаю, но это не по-немецки... – сказал армянин.

Мельников прислушался. В самом деле, плохо различимые обрывки слов не походили на немецкую речь. И уж тем более – ни на что славянское. Зверобой хорошо говорил по-белорусски, мог объясниться на украинском и на польском. Это все было не то... Но – смутно знакомое. И вот тут он сообразил... Вашу мать! Это же литовский! В Литве они пробыли слишком мало, чтобы Мельников успел чему-то всерьез научиться. Но кое-что понимал. С десяток фраз. Хотя понимать было особо нечего. Что говорит русский мужик, если, забивая гвоздь, попадет молотком по пальцу? Вот примерно тоже говорил и этот тип...

- Оганес, это литовец.
- Откуда он тут?
- А что, до границы с Литвой верст пятьдесят, не больше.
- Нет, я о другом...
- Потом объясню! Что там с ним?
- Ожоги вроде. Серьезные. Но жить будет.

Между тем к дому подошли остальные бойцы. Никого не задело.

- Коваленко, как там немецкие пацаны?
- Ремня им всыпал и домой послал. Ох, ну тут и дымище...
- Перевяжите этого...

На опушке замелькали зеленые гимнастерки. Это подходил майор Щербина. Мельников стал собирать мысли в кучу для рапорта, но тут его отвлек Копелян.

- Слушай, лейтенант, а ведь тут трое были. Вон на столе три кружки.
- Да, я уже заметил, что один из них в сапогах. Значит, имелся еще один, в ботинках.

Уйти он никак не мог.

- Получается, смылся раньше. О! А вот и винтовка.

Майор зашел как раз в тот момент, когда Мельников рассматривал вынутый из угла карабин KAR, снабженный оптическим прицелом. Хорошая штука, особенно в умелых руках.

– Из этого, что ли, стреляли в немца? – спросил майор, после того как зашел в помещение.

- Похоже. А вот хозяина, сдастся мне, и нету.
- Почему ты так думаешь?

– Как вам сказать... Почерк не тот. Эти – так себе бойцы. На войне я бы их с двумя людьми успокоил. Просто рисковать ребятами не хотелось. А в городе был кто-то посерьезнее. Здесь вообще один, по крайней мере, – литовец, а не немец. А второго – поди спроси...

- А как вы его взяли?

– Из ракетницы в окно.

– Это мы в Сталинграде проходили. В самом деле – после такого уже не до сопротивления. Да, теперь я верю байкам про то, как ты «Красную звезду получил».

– Все. Транспортируем этого гаденыша. Ранение плевое, выживет. Теперь уже пора всерьез вызывать кого надо. Такие дела закрутились.

– Слушай, лейтенант, а что говорил майор про твою «Красную звезду»? Я ж историк все-таки...

– А, так это в самом деле весело вышло. Я ведь эту «звезду», по сути, за лень получил. Дело было так. Перед наступлением надо было установить контакт с партизанами, которые базировались в прифронтовой полосе. Меня по старой памяти и послали. Сходили. Установили. Все бы хорошо – но обратно надо двадцать верст на своих двоих пилить. Дождь, слякоть... Лень. Ну, мы и угнали немецкий штабной бронетранспортер. А в нем оказался не менее штабной майор. Майора мы успокоили, толстый был, чтобы его переть через линию фронта. А портфель с документами прихватили. Передали куда надо. И все. А потом – нам всем награды. Ребятам – «За отвагу», мне как старшему по званию – «Красную звезду». Ребята мне потом говорили, я случайно нарвался на сведения, за которыми фронтовая разведка гонялась две недели. Три группы положили. А нам вот повезло. Может, если бы не поленились майора того тащить, чего-нибудь и повыше схватили бы...

– Так это ты был? Слышал я эту историю. Только рассказывали, что ты «Тигр» угнал. Я, честно говоря, думал, это байка.

– Вот так и становишься героем легенды, – усмехнулся Мельников. – Еще бы рассказали, что я на «королевском тигре» генерала Рейнхарда¹³ вывез.

– А ты видел «королевских тигров»? – спросил Оганес.

Эти танки были фронтовой легендой. О них все слыхали, но мало кому довелось увидеть их «живьем». Да и подбитых находилось – по пальцам можно пересчитать.

– Было дело. Я одного такого зверя даже искупал. Это уже тут было, в Восточной Пруссии. Были в разведке, по дороге взрывчаткой разжились. При помощи фугаса, который мы заложили на переправе. Вот и не вынесла душа старого партизана. Откуда ни возьмись, «королевский тигр» как раз на ней появился...

– И что?

– Да ничего. Мощная машина, аж страшно. Но все равно – как рванули, нырнул этот зверь, только пузыри пошли. А говорят – представители семейства кошачьих хорошо плавают. Этот, допустим, не выплыл¹⁴. Ну ладно, поговорили и хватит. Пора делом заниматься.

Тот же день, Зенебург

Когда солнце начало уползать за горизонт, у здания комендатуры остановился «виллис». В нем были двое – водитель с погонами сержанта и невысокий, но очень крепкий офицер лет тридцати пяти в форме капитана – с саперными топориками на погонах. На заднем сиденье лежал автомат. Капитан был не из щеголей. Он был неважно выбрит. Вместо фуражки носил пилотку. Так многие поступали на фронте, но после войны большинство офицеров предпочитали щеголять в командирских головных уборах. Мельников, подымаясь с крыльца, на котором сидел, и, прикладывая руку к козырьку, успел оценить незнакомца.

Как же, сапер. Знаем мы таких саперов. Сразу видно – особист. Только вот интересно – откуда он? Смерш или кто-нибудь еще из подобных служб? Все эти товарищи, как правило, носили самые разнообразные знаки различия – но все равно их было видно за версту. К тому же он заметил, что за задним сиденьем джипа лежал автомат «ППС».

...Капитан ответил на приветствие и оглядел Зверобоя с головы до ног.

– Вы, как я понимаю, лейтенант Мельников?

– Так точно!

– Да уж вас ни с кем не спутаешь. Мне говорили в Линке, в штабе: есть, мол, у нас такая достопримечательность... Ждите меня тут. Да, пригласите старшего сержанта Копеляна. Разговор у нас будет серьезный.

Офицер двинулся к майору. Пробыл он там недолго, примерно через полчаса он снова показался на крыльце.

– Оба тут? Пойдемте, поговорим. Разговор будет серьезный. Куда тут можно, чтобы лишние люди не слышали?

Помещений в особняке было много. Солдаты по долгой фронтовой привычке теснились все вместе, превратив гостиную в некое подобие землянки. А другие комнаты стояли пустыми. Вот они и прошли в какую-то из них, которая была то ли будуаром, то ли чем-то подобным. Там стояли маленький столик на гнутых ножках и три столь же манерных стула. А на стене висело громадное старинное зеркало, как уверял Оганес, невероятной цены. Мельников мельком рефлекторно глянул в него, чтобы проверить, правильно ли сидит на голове пилотка. И усмехнулся про себя. Два офицера и сержант смотрелись в этой кокетливой комнате весьма забавно.

– Садитесь, ребята. Курите, – предложил офицер дружелюбным тоном.

---

¹³ Командующий немецкой группировкой в Восточной Пруссии. Герои воевали в составе 3-го Белорусского фронта, это их специфический юмор.

¹⁴ Это реальная история. Тот самый цельный «королевский тигр» калининградские поисковики подняли со дна болота в 1998 году.

Мельников несколько напрягся. Он настороженно относился, когда незнакомые старшие офицеры заговаривали вот так, панибратски. Нет, одно дело, когда ты со своим командиром день и ночь ползаешь на пузе и ешь из одного котелка. Тогда понятно – субординация несколько отступает на второй план. Но незнакомый капитан, да еще «оттуда»... Мельников не вполне разделял всеобщую нелюбовь фронтовиков к особистам и прочим «органам». Хотя, конечно, никому не нравится, когда вокруг тебя вертятся товарищи, которые вечно что-то вынюхивают. Их бы в окопы – полагали фронтовики. Но знал Мельников и другую правду. Он видел, как сражались эти люди в тылу врага. И как умирали. Да и что бы делали партизаны без присланных с Большой земли диверсантов, специалистов по подрывному делу и прочих подобных товарищей? Так бы и остались плохо вооруженными бандами. И что такое вражеский агент в отряде – Сергей знал. Значит, нужны люди, которые таких гнид ловят. Но все-таки неофициальный тон капитана ему не понравился.

Тот, видимо, это почувствовал – и поспешил рассеять возникшую легкую напряженность.

– Мельников, не переживай. Нам с тобой много придется обсудить. И старшине Копеляну – тоже.

– Старшему сержанту.

– Будет старшиной. Представление, по моим сведениям, уже пошло. Но сначала поговорим о серьезном. Я – капитан НКГБ Константин Еляков.

Ого! Серьезно. Чекисты в армию совались редко. Тут хватало собственных особых служб.

– Мы тут про твои недавние подвиги, лейтенант, уже слыхали. Вот я и приехал кое-что уточнить...

– Про ликвидацию банды мародеров?

– Это меня не волнует. Товарищем, которого ты взял, занимаются те, кому положено. Там ничего интересного. Все, что ты у него узнал на допросе, подтверждается. Обычный предатель. И ведь он даже не убежденный украинский националист, а так – полез по дури не в ту степь. Меня куда больше занимает вся эта история с убийствами немцев. Расскажи-ка все подробно. С самого начала. Да излагай не только факты. Мне интересны и твои наблюдения и мнения.

Слушал он внешне небрежно, покачивая ногой в видавшем виды сапоге, покуривая вонючую немецкую сигарету. Но Мельников, докладывая, все больше проникался уважением к этому чекисту. Лейтенант следил за его глазами – и видел: чекист слушает очень внимательно. И не просто слушает, а сопоставляет то, что слышит, с тем, что знает... Становилось понятно, что его развязность и веселость – только поза. Глаза были очень умные и внимательные.

– Понял, – кивнул Еляков, когда Мельников закончил. – Где теперь этот недостреленный тип?

– В местной больнице. Доктор сейчас ему помощь оказывает... Да что с ним случится? Выживет, не помрет. Этот доктор, конечно, не военный... Но, говорят, дело свое знает.

– Тогда черт с ним. Пока. Так ты говоришь – литовец?

– Не ручаюсь. Но что не немец, точно. В таком положении человек обычно говорит на родном языке. По крайней мере – ругается. А этот именно ругался. Я изучение любого языка начинаю с ругательств. И как послать по-литовски – знаю... Только что он тут делает?

– Это как раз просто. Вы слышали что-нибудь о «лесных братьях»?

Мельников подумал.

– Что-то в госпитале приходилось. Это вроде «партизанки»?

– А тут уж я не понял.

– Местные жители их так называли... Сталкивались мы с отрядами на западе Белоруссии. Не поймешь, за кого они были. За свободную Белоруссию, в общем. Вроде бандиты, а вроде и не совсем... Но против наших. Не знаю как с немцами, по-моему, они больше с мирными поляками воевали. И с евреями, до которых немцы случайно не добрались. Да и вообще – со всеми, у кого добра побольше.

– Здесь дело серьезнее. Это литовские националисты. На самом-то деле, конечно, – немецкие прихвостни. Кого-то из них обманом втравили в это дело, а другим просто деваться некуда. Под немцами они, как и ваша «партизанка», очень активно истребляли поляков и евреев. Так что теперь им деваться особо некуда. Либо в Сибирь, либо в лес. К ним пристали и кое-кто из немцев, кто так и не понял, что война закончилась.

– Но что им делать на территории Восточной Пруссии? И к тому же... Допустим, кто-то ненавидит Советскую власть. Ладно. Берет ружье и сражается против Советской власти и тех, кто ей помогает. Понятно. Но при чем тут немцы, которых они уложили? Эти господа в любви к нам не замечены... И даже, судя по всему, наоборот, – занимались чем-то очень секретным.

– Вот с этим и будем разбираться. Я думаю, вам не стоит напоминать: все, что вы здесь услышите, – государственная тайна. В случае чего и до трибунала не доживете.

– Не вчера родились, товарищ капитан...

– Не обижайтесь, это я на всякий случай. Эти люди, как вы выяснили, имеют отношение вот к этому...

Еляков достал карту и ткнул пальцем в обширный лесной массив восточнее Зенебурга.

– Черный лес?

– Именно. А ты еще серьезней, чем мне о тебе говорили. Про лес пронюхал... Так вот, об этом самом объекте. Вот именно этим я и занимаюсь. Что там – черт его знает. Потому что проникнуть сквозь тамошние мины пока что не удалось. Нагородили столько... Сплошь мины. Лезть туда по дури не получается. А у нас – как всегда. Забыли про это дело. Но тут началось вокруг этого леса какое-то нехорошее шевеление. А тут вообще – убивать начали. Вот наше руководство и решило попытаться разузнать об этом месте побольше. Поручили это дело мне. А тут как раз у вас началась эта милая история. И раз уж вы вляпались в это дело, то будете мне помогать. На тебя, Мельников, мы давно имеем виды...

Еляков сказал не все. На самом-то деле все было не так просто. В послевоенной Германии дел было выше крыши. Столько, что глаза разбегались, а руки не знали, за что взяться. Ловить военных преступников, искать спрятанные ценности, вывозить технологии... Всего не перечислить. Если бы не начался этот дурдом в Зенебурге, то и на Черный лес махнули бы рукой. Точнее – отложили бы на неопределенное потом. Да теперь хоть и взялись, но как-то спустя рукава. Послали одного Елякова – и велели искать помощников прямо на местности. Благо тут оказался этот разведчик. Нет, так только у нас в России бывает. Смерш из Кенигсберга чуть ли не каждую неделю шлет слезницы наверх – людей не хватает. А у себя под носом пошарить – не хватает мозгов... Ценнейший человек сидит в комендантском взводе и дурью мается. Только потому, что какой-то идиот испугался: он был на оккупированной территории, значит, в чем-то сомнительный¹⁵. А где еще бывают партизаны? Еляков, прежде чем приехать сюда, собрал сведения о Мельникове. И схватился за голову. Это что же получается! Вроде как приспособили танк, чтобы картошку возить. А в «органах» каждый человек на счету. Разбрасываться такими кадрами – преступление. Он так сказал какому-то начальнику в штабе. Слово «преступление» из уст капитана НКГБ звучало для всяких

---

¹⁵ Такое отношение капитана НКГБ к коллегам объясняется тем, что Смерш, военная контрразведка, являлась конкурирующей организацией.

мелких начальников, как для фронтовика – вой пикирующего «Юнкерса». Так что Еляков мигом получил право брать себе в помощники кого угодно из военнослужащих.

– Товарищ капитан, можно вопрос? – сказал Мельников.

– Конечно.

– Я все не могу понять. Почему люди из Смерш не вычислили этих троих немцев? Только потому, что у них какие-то там специальные документы были?

– Да какие специальные документы? В них сказано, что они были инженерами на мелкой гражданской стройке в Алленштайне. Скорее всего – липа. С этим мы еще будем разбираться, кто там липу делает. А не вычислили этих герров – потому что раздолбай, мягко говоря. Они как работали? Эсэсов искали, членов нацистской партии, людей призывного возраста. А особо глупые – и членов «Гитлерюгенда» шерстили. А у них поголовно вся молодежь была в «Гитлерюгенде». . . Ну, и в итоге столько себе на голову работы навалили, что на тех, кто за пределами этих рамок, они уже не обращали внимания. Не призывного возраста человек? Нет сведений о членстве в нацистской партии? Свободен. К тому же им все больше Кенигсберг и вообще север интересен. А южная часть Восточной Пруссии по определенным причинам – не очень.

– Товарищ капитан, а почему просто не взглянуть, что в этом лесу?

– Ага. Ты думаешь, что если я капитан НКГБ, то я царь и бог? Я вот приду к армейскому начальству и скажу – дайте мне два батальона саперов, любопытно мне, что там в этом лесу. Таких полномочий мне никто не давал. Ты в Кенигсберге бывал?

– Два километра не дошел.

– Может, и побываем. Там столько мин. . . И я буду просить саперов. К тому же пока что нам интересен не сам объект, а те, кто вокруг него возятся. На «Вервольф» это как-то не очень похоже.

– Простите, товарищ капитан, я – это кто?

– Это та самая подпольная организация, о которой по всей армии слухи ходят. Но они ориентированы скорее на терроризм. Да и жиденьякая это контора. А эти. . . Вот как ты думаешь, зачем они убили этих немцев?

– Возможно, убирают свидетелей? Тех, кто что-то знает об этом объекте. Пока наши до них не добрались.

– Ну, Мельников. . . И как же это мы тебя упустили после того, как тебя на Большую землю вывезли? У нас людей не хватает, а тут такой кадр. . .

– Так я, товарищ капитан, сбежал из госпиталя и в офицерскую школу попросился.

Внезапно на пороге возникла молоденькая немка в белом халате – медсестра из больницы.

– Герр лейтенант, доктор просил передать: раненому оказана необходимая помощь и пришел в себя.

– Ну что, пообщаемся с нашим литовским другом. . .

В госпиталь отправились всей командой.

Больница в городке была небольшой, всего на десяток коек. Впрочем, больше тут и не требовалось. Горожане предпочитали болеть дома. Сейчас, к примеру, тут был только один больной – тот самый. Возле палаты, где он лежал, стоял часовой с автоматом. Это был Егоров. Конечно, на нудную работу пихнули самого молодого. . . Так всегда бывает. Егоров прямо-таки изнывал от чувства ответственности. Хотя даже при большом желании человек с такими ожогами, как сказала по дороге сестра, бежать бы не сумел. И если бы попытался – далеко бы не утек.

На входе в больницу часового они увидели суетливого седенького немца-доктора.

– Доктор, как он?

– А что с ним будет? Ожоги, конечно, сильные, но от такого не умирают. Выживет. Я таких столько видал... А вы, молодой человек, не усмехайтесь, – повернулся он к Мельникову. – Да, я деревенский врач. Но я был полевым хирургом на прошлой войне. На Марне. Так что ожогами разной степени тяжести меня удивить трудно. Это чем его так? Осветительной ракетой?

– И как там было, на Марне? – спросил Мельников неожиданно для себя. О той войне он знал очень мало. В школе он ее пройти не успел – началась новая. А для тех людей старшего поколения, кто побывал, все заслонила Гражданская. Даже сосед дядя Саша, большой любитель батальных историй, почерпнутых из собственной жизни, о своих двух «Георгиях» рассказывал как-то смазано.

– Как там было? Плохо там было. Гора трупов. А я – лечи... Да ведь и тут, в окрестностях, была тогда война, – доктор махнул рукой и пошел по своим делам.

Они прошли в идеально чистенькую палату. На койке лежал раненый, вся правая половина его тела была замотана бинтами. Он повернул голову в сторону вошедших. Мельников взгляделся в лицо этого человека. Интересно было. Он видел множество разных врагов. Немцев и их разномастных приспешников. Но вот чужих, вражеских партизан так вот, вблизи, наблюдать не довелось. Было любопытно: что это за птица и как он будет себя вести? Еляков не спешил начать разговор, изучая клиента.

Пленные немцы вели себя по-разному. Попадались непроходимые фанатики. Особенно среди солдат войск СС. Эти горели ненавистью к врагу до последнего – до автоматной очереди, проводящей черту под их жизнью. А вот у других солдат и унтер-офицеров войск СС нередко находились аккуратно упакованные знаки различия. Они твердили – меня, дескать, в СС насильно из Вермахта пихнули, я к ним никакого отношения не имею. Были те, кто держал себя с достоинством: мы, мол, солдаты, мы честно исполняли приказ. Многие, особенно в конце войны, откровенно радовались, что теперь для них все кончилось. Были и те, кто в ногах валялся, умолял их не расстреливать. Им ведь объясняли ихние пропанадисты, что большевики никого в живых не оставляют.

Среди предателей фанатиков было мало. Большинство – откровенная сволочь и склизкая мразь. Кто-то принимал смерть достойно, кто-то ползал в ногах и умолял о пощаде. Но «Смерть Сталину!» или «Да здравствует Гитлер!» у стенки или на эшафоте не кричал никто. А этот... Зверобой не так много был в Литве, но достаточно, чтобы понять: к Красной Армии там относились очень по-разному... Одни встречали с цветами, другие... Другие не встречали.

Но ничего особо нового для себя Мельников, разглядывая раненого, не усмотрел. В парне чувствовались подавленность и бесконечное одиночество. В чем-то он был похож на того пленного украинца. Хотя этот выглядел куда приличнее.

– Ну, здравствуй, лесной брат, – нарушил молчание Еляков. Говорил он по-немецки. Как отметил старший сержант, у чекиста был сильный акцент, но, в общем, сойдет. Интересно, ответит он или сделает вид, что не понимает. Однако раненый не прикидывался не понимающим. Но все же молчал, ожидая, что ему скажут еще.

– Не повезло тебе, – продолжал капитан. – Ты думаешь, что являешься борцом за независимость? А вот и нет. Ты – обыкновенный уголовник. Потому что город Зенебург литовской землей не был никогда. Выходит – ты с твоими друзьями совершил самое обыкновенное убийство. И ладно, я бы понял, если бы вы убили нашего военнослужащего. Но вы грохнули двух немцев, которые к нам никакой любви не испытывали. И ограбили дом одного из них. Мало того, что бы вы там не говорили, но Литва сегодня – часть СССР. И там действуют советские законы. Попадись ты там в наши руки – тебя бы по ним и судили. А тут, понимаешь ли, пока что оккупационная зона, где с такими, как ты, разбираются по законам

военного времени. И уж мы разберемся по полной программе. Хотя бы для примера. Чтобы немецкое население знало: мы в состоянии обеспечить прядок. Ну, как говорить будем?

Раненый разлепил губы:

– Я есть плохо говорю по-немецки, – ответил он на очень плохом русском языке.

– Да, а по-русски лучше, – усмехнулся Еляков.

– Товарищ капитан, я могу по-польски, – вмешался Мельников.

– По-польски понимаешь? – обратился он к «лесному брату». Этот язык, как замечал Мельников, в Литве понимали если не все, то очень многие. Особенно в городах. Поляков там жило во множестве.

– Я понимаю по-польски. Я буду говорить. Но я не убивал... Я даже не знаю, куда и зачем ходил Черный с этим немцем... Я оставался в доме...

Мельников перевел ответ капитану.

– Слушай, веди допрос сам. Ты ведь допрашивал пленных? И бургомистра раскрутил. Вот и валяй. Главное – нам интересен этот, как он говорит, немец.

Раненый отвечал медленно, но достаточно подробно. Как оказалось, звали его Пранас Лацис. По профессии данный товарищ являлся обыкновенным мелким уголовником. В момент прихода немецких войск он находился в КПЗ славного города Каунаса. Во время неимоверного бардака, сопутствующего нашему отступлению, ему удалось удрать. Но при немцах воровать не получилось – он снова попался, и ему сделали предложение, от которого невозможно отказаться – вступить в какую-то вспомогательную охранную структуру. Как уверял Пранас, евреев и коммунистов он не отлавливал и уж тем более – не расстреливал, а что-то там охранял. Мельников в этом сильно сомневался, поскольку хорошо знал, что представляли из себя такие вот «охранные части» в России и Белоруссии. Но сделал вид, что поверил.

Так вот, когда немцы ушли, с собой его они, понятное дело, не позвали. Пранас понимал, что Советская власть не погладит его по головке за дружбу с немцами – а потому с группой сослуживцев подался в леса. На «свободную Литву» им было наплевать. Но в Сибирь очень не хотелось.

– А потом появился этот немец... Не знаю, откуда. У нас был маленький отряд, пять человек. Но у командира были связи с другими отрядами. Его, немца, звали Барон. Он – пришел откуда-то издалека. Очень серьезный человек. Мы все городские, в лесу ориентировались плохо. А он как будто в нем родился. Хотя выглядел как аристократ. Я думаю, он какой-то специалист по партизанской войне. Барон уверял нас, что скоро будет много оружия и всего остального снаряжения. И вот... Он взял нас двоих с собой. Обещал много денег. Я даже не знал, что мы дошли до Германии...

– Вы же были в городе...

– Мы не были в городе! Мы прошли по лесам. И я никуда не выходил из этого домика. Черный ходил два раза куда-то с командиром. Во второй раз Барон брал снайперскую винтовку. А потом немец ушел один. Сказал, что вернется через день. Велел ждать. Я уже потом, здесь, понял: он нас предал. Подставил вам.

– Почему?

– Мы заметили детей, которые видели нас с опушки леса. А Барон запретил их трогать. И даже выходил на улицу, чтобы они заметили. Я только тут, в больнице, сообразил: он рассчитал, что дети расскажут вам. Да, я обо всем догадался. Потому что нам он велел держаться до последнего. Сказал – если русские узнают, что вы литовцы, они с вас живыми кожу сдерут. А больше я ничего не знаю...

Выслушав пересказ показаний раненого, Еляков усмехнулся.

– Все правильно. Грамотно сработано. Если бы не ты – живыми бы никого не взяли. И концы в воду. Что ж, я думаю, тут нам делать нечего.

– А этот?

– Перевезут в Линк, к особистам, они там уж с ним разберутся. Пошли отсюда.

– Товарищ капитан, а вы думаете, это Барон знал о той банде, которую мы ликвидировали? – спросил Мельников, когда они выехали за пределы городка и двинулись на юг по узкой, но довольно приличной грунтовке.

– Мог. Они, как показал этот Басюк, сидели там несколько дней. Возможно, он так их хотел подставить. Совершили бы они эти убийства, потом он бы каким-нибудь образом дал вам об этом знать. Нашел бы способ. Мы бы устроили облаву и положили бы их всех. А если бы даже не положили – стали бы их крутить по всем делам. Сам понимаешь – словам «это не я» в Смерше не очень верят. А те бы трое спокойно ушли. Кто ж мог подумать, что ты, Мельников, так активно сработал. Вот ему и пришлось своих товарищей подставлять. Что лишний раз подтверждает – цели у человека о-очень серьезные.

– Да, товарищ капитан, я возле дома бургомистра поставил часового. Вы или кто-то еще будете его брать?

– Да, в общем, стоило, конечно же... Хотя, я думаю, он... Даже не трус. Просто мелкий усердный чиновник. Он рассуждает так: мало ли как дело повернется. Ведь понимает, что наши комендатуры и все такое – это временно. А что дальше будет? Какая тут будет власть? Вот он и думает: я, дескать, всегда был в стороне. Я делал свое дело и все тут. И ведь, как я понял из разговора с майором, дело он свое делает. Да и в Линке им довольны. Но так просто, конечно, бросать дело нельзя. Непорядок это. Вот что, Копелян, ты покури, подыши воздухом. А мы с тобой, лейтенант, двинемся к нему. Заодно поглядишь, как поют натуральные бандиты.

– Простите, не понял?

– Есть такая одесская блатная песня. Но это не важно. Увидишь. Давай-ка с шиком, на «виллисе»!

Герра бургомистра они застали, что называется, в полуразобранном состоянии. Он, видимо, уже успел себе представить сибирские снега, где капитаны ГПУ¹⁶ с бутылкой водки в руках ездят на тройках, запряженных белыми медведями. Так что, увидев Мельникова в компании с незнакомым офицером, он только попытался слабо приподняться с кресла.

– Вы за мной? – вяло произнес он.

– Нет, пока что мы к вам, – сказал Еляков. – Я капитан службы государственной безопасности. Чтобы вы поняли – это нечто вроде вашего СД¹⁷. Арестовывают у нас другие структуры. И они вполне смогут вас арестовать. Вы скрыли от новой власти секреты государственной важности. Вы прикрывали опасных военных преступников. Это – очень серьезное дело. Погодите! – повысил голос Еляков, увидев, что бургомистр хочет что-то сказать. – Я лично понимаю, что вы это делали по неведению. Но, понимаете, время нынче тяжелое, особо разбираться никто не будет. Скажу вам по секрету, многие люди из-под Кенигсберга поехали в Сибирь за куда меньшие проступки. – Капитан сделал эффектную паузу и продолжил: – Впрочем, я могу вам помочь. Но и от вас кое-что потребуется...

– Что от меня нужно?

– Сотрудничество.

– Я готов, – без колебаний выдохнул бургомистр.

Еляков извлек из своего планшета лист бумаги.

– Пишите расписку. Я продиктую...

---

¹⁶ Почему-то геббельсовская пропаганда пугала немцев именно ГПУ, которого давно уже не существовало, а не реальным и не менее страшным НКВД. Звучало, что ли, страшнее?

¹⁷ СД – в нацистской Германии – политическая разведка и контрразведка. Именно в ней работал штандартенфюрер фон Штирлиц.

– Вот и все, вербовка проведена, – сказал капитан, усаживаясь в джип. – Тебе в партизанах что-либо подобное приходилось делать?

– Нет, я работал только с теми агентами, кто нам изначально сочувствовал. А особисты в бригаде – наверное... А он вам нужен?

– Лишних агентов не бывает. Но самое главное – он теперь повязан. В дальнейшем ведь могут быть разные варианты. Он теперь по-любому наш. Ладно, поехали. Для начала – к вам в особняк. Думать будем, что дальше делать, как искать хвосты.

Они расположились в той же комнате.

– Что ж, ребята, вы эти места знаете лучше, чем я.

– Товарищ капитан! – Мельников вдруг аж подпрыгнул в кресле. – Когда у нас зашел разговор о всяких немецких секретных объектах – и я вот что вдруг подумал. Если в этом Черном лесу шло какое-то строительство, то должны ведь туда идти грузы? Если строили военнопленные, то ведь их надо кормить? И охрану тоже... Я понимаю, гражданские немцы не любили видеть всю эту мерзость, в сторону рыло воротили... Но через Зенебург эти грузы точно не проходили... Мне бы рассказали. Есть тут одна фрау – она бы сообщила.

– Не сомневаюсь. Я ехал по дороге сюда и видел – почти нетронутая грунтовка. Ее грузовики, если бы регулярно ходили, раскатали бы так, что замаскировать никак невозможно. Значит, подъезд был с другой стороны...

Мельников вспомнил карту.

– Так... По карте – ближайшая железнодорожная ветка – от Ортельсбурга на Биаллу.

– Вот поедem в эти места и начнем искать. Выезжаем завтра с утра. Берите манатки и запас еды. Потому что, когда вернемся, неизвестно. Автоматы тоже захватите. Этот товарищ Барон – он не шутики шутит.

6 июля 1945 года, дорога на Биаллу

«Виллис» двигался по узкой малоезженной грунтовке на юг. Как и положено по неписаному армейскому правилу, Еляков, как старший по званию, сидел рядом с водителем, Мельников и Копелян – на заднем сиденье.

– Слушай, Оганес, ты историк, вот доктор сказал, что в прошлую войну тут тоже воевали... – заговорил Зверобой.

– Так ты не знаешь? Тут-то все началось...

Как рассказал Оганес, в 1914 году Германия, начав войну, обрушилась на Францию – примерно там же, где и в 1940-м. Все выглядело до отвращения похоже – ломанулись через Бельгию. Французы удара не ждали – и вскоре возникла угроза того, что немцы возьмут Париж. Выручили наши. Они ударили как раз в этих местах – в районе Мазурских озер. Все начиналось хорошо, но русских подвело бездарное командование. Пока армия Самсонова наступала, его «смежник» щелкал клювом¹⁸. В результате русская армия попала в «котел». Командующий застрелился. Но Париж русские все-таки спасли. Немцы сняли войска с французского фронта и бросили сюда.

– Знаешь, как писал поэт Асеев: «Но снятые с фронта пятнадцать дивизий позволили Франции уцелеть»... Вот так всегда, – подвел итог Копелян, – мы их из дерьма вытаскиваем.

– «Котел» – это очень гнусно, – вдруг сказал Еляков каким-то странным голосом и вдруг повернулся: – Сергей, я знаю, что у тебя, скажем так, не очень обычная судьба. Я вот, знаешь, особо твою биографию не изучал. Но необычно, знаешь. Шестнадцатилетний парень, необученный, а стал у партизан таким разведчиком... Я понимаю, был бы ты пограничником... У нас, знаешь, органы... Командир должен все знать.

---

¹⁸ На самом деле все было не совсем так, но Копелян излагает принятую тогда версию.

8 июля 1941 года, за четыре года до описываемых событий, где-то возле Слонима, Белоруссия

Ненависть! Юным уродует лица.
Ненависть! Вышла из берегов.
Ненависть – жаждет – и хочет напиться
Теплою кровью врагов!

(В. Высоцкий)

Сергей Мельников брел по дороге – и сам не знал куда. Но надо было куда-то идти, потому что ничего другого не оставалось. Он был один, совершенно один. В прошлом осталась невероятная суэта эвакуации, безумная поездка в поезде, который шел на восток. А дальше... Горящие вагоны, пикирующие с неба немецкие самолеты – и бегущие кто куда пассажиры. Мать убили там. Все оказалось очень просто – прошел сверху самолет – вот и нет ее...

А потом, откуда ни возьмись, появились немецкие танки. Они перли вперед – и стреляли по всему, что движется. Эдакие бронированные чудовища, которым все позволено.

А он что? Да, как и все остальные, – бежал, куда глаза глядят. Схоронился в какой-то рощице – пока танки уехали. А вот теперь Сергей был абсолютно один. Он брел по какой-то дороге, которая неизвестно куда ведет. То там, то здесь попадались следы поспешного отступления – брошенные машины со старательно изрезанными покрышками – какие-то ящики и коробки... Дорога была покрыта многочисленными следами машин и сапог – но следы подошв вели только в восточном направлении. Где-то вдалеке слышались выстрелы. А люди не попадались. Казалось – что уже все кончено. Нет армии, нет ничего – и немецкие танки безнаказанно катаются на нашей земле. Все это походило на какой-то кошмар, в котором, к сожалению, – невозможно проснуться...

Плюх! Сергей вступил в какую-то лужу – и тут откуда-то, черт их поймет откуда, появились двое солдат. Кто они такие – сомневаться не приходилось. Эти двое были одеты в непривычную серо-зеленую форму и каски столь же непривычной формы. Первые немцы, которых довелось увидеть Сергею. Танки в счет не шли – потому как не верилось, что в этих бронированных машинах сидели живые люди. Они походили на какие-то чудовищные заводные механизмы.

А эти – эти были живые и даже очень. Их мундиры были полурасстегнуты, рукава закатаны, обнажая волосатые руки – и у каждого на левой виднелись часы¹⁹. В руках немцы держали винтовки. Солдаты вражеской армии, несколько пошатываясь, приближались к Сергею.

Уже гораздо позже Мельников понял, что столкнулся с обыкновенными мародерами. В первые дни войны в немецкой армии их было множество. Это потом немцы уже боялись шататься малыми группами вне населенных пунктов. А тогда – доблестные бойцы Вермахта чувствовали себя победителями, которым все дозволено.

Эти двое солдат были молодыми мордатými парнями, немногим старше его. Один из немцев передернул затвор винтовки.

– Ты есть русский? Ты есть комсомолец? Сейчас мы тебя будем пиф-паф...

Сергей очнулся от апатии – теперь он воспринимал ситуацию предельно четко. И видел – они не хотят его убивать. Просто – солдатам хочется покуражиться. Они наслаждались ситуацией – тем, что могут всё. Хотят – убьют, хотят – отпустят. И тут Сергей неожиданно для себя понял, что надо делать. Будто кто-то изнутри ему подсказывал правильную

---

¹⁹ В довоенном СССР наручные часы были относительной редкостью. В армии их носили в основном командиры.

линию поведения. Он прикинулся смертельно испуганным. Хотя на самом-то деле Мельников, шатаясь два дня по пустым дорогам, уже дошел до того состояния, когда все равно – умрешь или жить будешь. В душе не осталось ничего. Но при виде этих двоих Сергей понял – неизвестно, откуда пришла ему эта мысль, но он осознал ее предельно четко: хватит! Довольно он драпал по кустам. Мигом вспомнилось все: паническая неразбериха эвакуации, а точнее бегства, мертвая мать, пикирующие немецкие воюющие самолеты с ломаными крыльями, заячий бег от танков... Нет уж, довольно! Побегал! На смену апатии в душе поднялась бешеная ненависть. Ну подойдите, подойдите, гады... Посмотрим, кто кого.

Немцы, видя испуганного русского парня в гражданском пиджаке, забрызганном грязью, без опасения приблизились. Да и в самом деле – чего им бояться? Гражданский парень в костюме, по колено забрызганном грязью. Солдаты подошли почти вплотную. От них густо пахло спиртным и потом. На ногах они стояли не слишком уверенно. Один из вражеских солдат упер ствол винтовки в грудь Сергею, криво и пьяно ухмыльнулся. Второй держал винтовку дулом вниз и с тупым любопытством наблюдал за происходящим. Они просто развлекались, не ожидая никаких неприятностей. Немцы уже встречали на пути многих – и штатских и военных. Наблюдали длинные колонны наших пленных, которых гнали на запад. Все эти русские были подавлены и растеряны, они делали, что прикажут. Как, впрочем, до этого и поляки, и французы. Но Сергей уже знал твердо: эти двое должны умереть. Почему они должны ходить по этой земле, а не он?

И тут-то пригодились уроки дяди Саши. Это был кумир двора. Он воевал в Первую мировую, сражался в Гражданскую – сначала в отряде анархистов, а потом и в Красной Армии. Затем служил в Китае, на КВЖД, откуда вынес знание странных, но очень действенных приемов самообороны. Своим знанием дядя Саша с удовольствием делился – обучал всех соседских ребят. Потому-то против парней с его двора никто с соседних улиц и слова сказать не смел. А в придачу Сергей занимался боксом. В общем, расслабленный пьяный немец, уперший ему в грудь ствол винтовки, был подарком судьбы. А ну!

Сергей стремительно подался назад и влево, схватил винтовку за дуло и рванул вперед, одновременно подставив солдату ногу. Немец, выпустив оружие из рук, грохнулся на землю. Винтовка оказалась в руках Сергея. Второй еще даже не понял, что происходит, – он все так же тупо стоял рядом. Мельникова по-настоящему не учили ружейным приемам – но тут у него руки сработали сами. Перехватив винтовку двумя руками, он нанес мощный удар прикладом второму в переносицу немцу, который, как в замедленном кино, лишь только начал приподнимать дуло винтовки. Раздался мерзкий хряск – и солдат стал оседать на землю. Между тем первый начал приподниматься. Мельников, обернувшись, навел на солдата винтовку и нажал на курок. Грохнул выстрел – на кителе немца расплылось кровавое пятно.

Некоторое время он стоял, тупо глядя на два тела. Уже много позже, повидав много смертей, Мельников понял: убить первого человека всегда непросто. Даже в горячке боя. Редкий солдат, впервые убив врага в рукопашной, хорошо себя чувствует. Это потом привыкаешь...

Вот и Мельникову стало нехорошо, когда он осознал, что превратил стоящего перед ним человека в труп. Но это прошло довольно быстро. Через некоторое время у него в мозгу закрутились совершенно житейские соображения. Он два дня не ел – и голод давал о себе знать. А ведь у этих немцев должно что-то быть... К тому же в памяти всплыли рассказы дяди Саши, который, выпив на каком-нибудь празднике, любил обстоятельно, во всех подробностях, рассказывать какой-нибудь эпизод из своей боевой жизни.

– Убил я его, гада. Ну что, взял обойму, сухари...

Вот так и надо делать. Но для начала Мельников прислушался. Все было тихо. И он стал действовать. При этом Сергей смотрел на себя словно со стороны и действовал как

автомат – строго по рассказам дяди Саши. В самом деле – нужно взять запасные обоймы. А то – сколько там осталось в этой немецкой винтовке?

Переворачивать и обыскивать трупы было неприятно, но что ж тут делать? Отвращение быстро прошло. Оказалось – нужно преодолеть только первое чувство – а дальше все пойдет веселей. У одного немца оказалось две обоймы, у другого – три. Заодно Сергей прихватил нож, зажигалку и взвалил на плечо ранец одного из немцев. Там ведь должна быть еда... Потом, подумав, стащил с убитого сапоги, скинул свои размокшие городские ботиночки, натянул сапоги на себя. И направился в лес.

Он отошел километров на пять, оглядываясь и прислушиваясь. Нет, никто за ним не гнался. Вокруг все продолжало оставаться так же, как и до встречи с немцами. Теперь нужно было изучить трофеи. Найдя уютную поляну, Сергей стал разбираться с добычей. Есть очень хотелось, но оружие – это главное. Мельников занимался в Школе снайперов²⁰. А потому умел обращаться с трехлинейкой и ручным пулеметом Дегтярева. Немецкая винтовка, конечно, отличалась от знакомых систем. Но ведь мозги для чего нам даны? Не такие уж сложные механизмы все эти стреляющие железки. Вскоре, немного поломав голову, он уже освоился с попавшимся к нему оружием – собирал и разбирал его совершенно спокойно. В конце-то концов, человек способен и не то сообразить, если припрет. Оружие ему не очень понравилось. Родная трехлинейка была лучше. Но выбирать не приходилось. Главное – винтовка стреляла. Теперь он уже ощущал себя не беспомощным беглецом. У него в руках было оружие. Тем более что стрелял Сергей очень даже неплохо. И имеющиеся в запасе тридцать пять патронов были не пустяком.

В захваченном рюкзаке оказались, кроме всего прочего, какие-то немецкие консервы, нечто вроде печенья – и три бутылки с надписью «Армянский коньяк». А, то-то они были такие пьяные. Наверное, набрали на какой-нибудь брошенный магазин... Есть не хотелось. Но Сергей вскрыл ножом одну из банок и съел половину. А потом задумался. Ну и что дальше делать? Возбуждение проходило, на смену ему снова стали наползать сомнения. В самом деле, он сидит один посреди незнакомого леса. Что происходит? «Непобедимая и легендарная» армия бежит. Немецкие самолеты летают так, как им вздумается, – и расстреливают кого хотят. Их танки появляются там, где, казалось бы, был глубокий тыл. В школе им рассказывали совсем не про такую войну. Они-то думали – наши сразу двинут – и будут сплошные победы. А где теперь эти «наши»? Никто не знает. Зато по дорогам шатаются самоуверенные немецкие солдаты, которые полагают, что им все можно.

По дороге из Гродно, откуда они с матерью пытались уехать, Сергей видел одно: сплошную бестолковщину. На запад, где грохотало, шли войска, на восток бежали гражданские люди. Никто ничего не понимал. Потом и войска пошли на восток...

Сергей открыл одну из бутылок и сделал большой глоток... До этого он почти не пил спиртного. А уж коньяк – никогда не пробовал. Поэтому, глотнув, он некоторое время сидел, выпучив глаза и судорожно хватая воздух. Но... Потом все улеглось. И – что самое главное – в мозгу, наконец, образовалась полная ясность. Сергей коснулся рукой немецкой винтовки. И это было ответом. У него есть оружие. В Школе снайперов он был одним из лучших. Получается – еще не все потеряно. «Когда нас не будет – все ваше будет», – всплыла из памяти фраза, которую он слышал на уроке истории. Но он-то пока еще живой!

– Сколько встречу немцев, столько убью, – сказал Сергей вслух, упаковал ранец, взял винтовку – и двинулся по лесной дороге.

Собственно говоря, он снова шел наугад. Вскоре он выбрался на какую-то раздолбанную дорогу и двинулся по ней. Звуки стрельбы доносились где-то очень далеко, а дорога, как

---

²⁰ До войны в СССР существовало много структур, где допризывники могли заниматься военно-прикладными видами спорта.

назло, постоянно сворачивала не туда. У Мельникова хватало ума, чтобы не лезть напрямик через чащу. В конце концов, куда-нибудь эта лесная дорога приведет. Либо там наши – либо немцы. В любом случае, имеет смысл идти.

Путь был невеселым. Судя по всему, по этой дороге отступали наши части. Вся дорога – а больше всего обочина – была усыпана разным хламом. Валялись шинели, пилотки, котелки, сапоги, подсумки, рулоны бинтов, какое-то тряпье. В кустах виднелась брошенная полевая кухня. В другом месте – чуть ли не на километр пути протянулся густой след рассыпанного риса. Попадались и наши винтовки – но все они были лишены затворов.

Несколько раз на пути встречалась брошенная техника – полуторки со старательно изрезанными протекторами, броневичок, грустно глядящий на дорогу уже бесполезным пулеметом, орудие без затвора. Полевая кухня рядом с мертвой лошастью, «эмка», вокруг которой ветер шевелил разбросанные бумажные листы с печатями... Попался один раз и танк «Т-26» – как раз тот, о которых пели, что «броня крепка и танки наши быстры». Но этому ни красоваться на парадах, ни ходить в бой уже никогда не придется. Его, судя по развороченной моторной части, взорвали свои же. Жуть брала от того, что большинство этой техники было в целости. Ее не подбили и не сожгли. Ее наши солдаты бросили. А сами ушли на восток.

...Более всего угнетала тишина. Точнее, не совсем тишина. За горизонтом постоянно стреляли. Но слух скоро привык к далеким звукам взрывов – они воспринимались уже как нечто само собой разумеющееся, как писк комаров. Тишина была тут, вокруг. Непробиваемая тишина и безлюдье. Не слышно даже птиц.

Зрелище дороги, усеянной следами поспешного отступления, производило донельзя гнетущее впечатление. Но Сергей довольно быстро освоился. Он уже не обращал на окружающий печальный пейзаж особого внимания. Да, армия разбита. Да, отступает. Но он был жив! У него в руках имелась винтовка. Вот и все. Теперь Сергей шел не как потерянный беженец. Он держал оружие наперевес, озираясь вокруг. Но все равно, встреча произошла совершенно неожиданно.

– Эй, парень, а ну стой! – раздалось из придорожных зарослей.

Сергей оглянулся, но никого не увидел.

– Подними руки и стой спокойно, а то пулю получишь в башку, – сообщил все тот же неведомый голос. Это говорил явно русский.

Мельников решил, что тут нарываться не стоит, и поднял руки. Вскоре из кустов показались двое. Они были в зеленых пограничных фуражках. В руках пограничники держали трехлинейки. Форма их, весьма потертая и обтрепанная, все же выглядела достаточно прилично. Отступавшие солдаты, которых ему доводилось встречать во время поспешной эвакуации, выглядели куда хуже. Чаще всего они были небриты, грязны и оборваны. А эти... Даже лица у обоих бойцов были гладко выбриты. Сергей понимал в этом толк – у него отец был офицером. Здесь было видно, что люди, несмотря ни на что, стараются сохранить достойный вид.

– Ты кто? – спросил один из них, у которого на петлицах виднелись два треугольника²¹.

– Сергей Мельников, ученик девятого класса.

– А откуда ты взялся, ученик? С какого рожна ты с немецким винтарем по дороге бегаешь? – недружелюбно спросил сержант.

– А что мне еще делать? Наш поезд разбомбило. А потом немцы на дороге меня хотели пристрелить, да я был против! Пришлось мне их пристрелить! – озлился Сергей. Он по-разному представлял встречу со своими, но только не так.

– Что-то ты врешь...

---

²¹ Сержант.

– Погоди, Борисов! – из зарослей появился еще один военный-пограничник. Это был невысокий стройный человек. Под лаковым козырьком зеленой фуражки недобро сверкали нерусские раскосые глаза. Двигался он как тигр – легко и уверенно. Почему-то Сергей при его виде сразу понял: он попал куда надо. Перед ним был прирожденный воин.

Командир был так же, как и его солдаты, в обтрепанной форме, но подтянут – и даже сапоги начищены. На петлицах у военного имелось два кубика²², в руках он держал непонятную железную машинку, которая, как потом узнал Мельников, именовалась немецким автоматом «MP-40». Старший лейтенант обратился к Сергею:

– Положи винтовку. И отойди на два шага. Отошел? А теперь рассказывай: кто ты и откуда. – Говорил он очень правильно, с каким-то еле заметным мягким акцентом.

Мельников повторил свою историю. Сержант только покачал головой:

– Товарищ старший лейтенант, что-то не верится. Этот... Необученный – и двух немцев положил?

– А что? Вон сколько людей бросили оружие и по лесам бегают. А вот ты – воюешь! Может, и он стал воевать. Ладно. Борисов! Оставайся, следи за дорогой, а мы с этим еще побеседуем. Да, Князев, винтовку-то его прихвати, она нам не лишняя.

Они отправились таким порядком. Впереди шел Сергей, сзади солдат с винтовкой короткими приказаниями направлял путь. Замыкал шествие старший лейтенант.

Шли они недолго. Вскоре их окликнул часовой, старший лейтенант назвал пароль, услышал отзыв – а после они вышли на маленькую полянку, на которой находилось около тридцати бойцов. Большинство из них были в пограничных фуражках, но Сергей заметил у некоторых солдат и черные, и красные петлицы. Оружие у них было самое разное. Трехлинейки, немецкие винтовки. Были и автоматы. Тоже немецкие.

Старший лейтенант отвел его в центр поляны, где были постланы несколько плащ-палаток.

– Ну, Сергей, присядь и расскажи мне все еще раз.

Тот повторил. Когда он заканчивал рассказ, старший лейтенант вдруг ударил слева. Сергей поставил блок – противник попытался нанести удар правой – но Мельников, упав на спину, ударил его ногами. Тот отлетел на несколько шагов.

– Спокойно! – крикнул он солдатам, которые тут же направили на Сергея винтовки и автоматы. И прибавил: – Да, парень, теперь я вижу, как ты с немцами сладил. Блин, и откуда ты такому научился? – пробормотал он, поглаживая руку, ушибленную блоком Сергея.

– У нас был сосед, он работал в Китае. Научил...

– А... Эти китайские штучки... Слышал. Ребята рассказывали. Но давай снова пойдем с начала. Ты уж не обижайся. Тут по лесу разные люди бегают. Мы никому не верим. Да и твоя история – не самая заурядная...

Сергей не знал – да и знать не мог, скольких людей встретил лейтенант на этой дороге. И многие из них были в военной форме, и даже имели в петлицах треугольники, кубари, а некоторые и «шпалы» – но не отняли оружие у врага, а бросили свое. Таких он гнал.

– Найди винтовку, потом возвращайся, – брезгливо говорил он.

Попадались и другие – солдаты разных частей присоединялись к его отряду. А вот гражданские, добывшие с бою вражеское оружие, ему не встречались. А шел он издали – от самой границы. Но, может, пока не встречались?

...Сергей повторил свою историю по третьему кругу. Кажется, на этот раз у старшего лейтенанта вопросов не возникло.

– Значит, ты решил сражаться?

– Так точно! – ответил Мельников, вспомнив, что так положено отвечать командиру.

---

²² Лейтенант.

– Сражаться – это правильно. Вон, видишь – бегут, мрази! – Глаза старшего лейтенанта бешено сверкнули. – А я буду сражаться! И они не пройдут. Они никогда не пройдут. Если мы пробьемся к своим – хорошо. Не пробьемся – будем сражаться здесь. Мы будем уничтожать их, как бешеных собак! И они сто раз проклянут тот день, когда сюда полезли...

– Когда нас не будет, все ваше будет, – повторил Сергей фразу, которая у него стучала в голове.

– Нет, парень! Ты не понял самого главного. То, что их не будет. Умирать легко. Но мы должны не умирать, а побеждать! Я со своими иду от границы. Вот собрал еще по лесам... Двадцать шесть человек. Или... Двадцать семь? – Старший лейтенант внимательно посмотрел на Сергея. – Пока еще гражданские ко мне в отряд не попадались. Но я вижу – в тебе есть нужное. В тебе есть ненависть – а значит из тебя будет толк. И ты ведь не один такой... Будешь первым. Только учти – у меня за невыполнение приказа – расстрел на месте.

– Так точно, товарищ лейтенант!

– Ну, вот, значит, у меня уже двадцать семь бойцов. Князев! Объясни парню, что и как...

Первый бой случился еще до заката. Разведчики сообщили: по дороге идут мотоцикл и три немецкие машины. Фургоны с каким-то грузом.

Фрицы двигались весело. Из одной кабины доносились чужие песни. Они еще чувствовали себя победителями. Не знали особенностей белорусской природы – где каждый куст является огневой точкой. Солдаты залегли в зарослях, ожидая, когда колонна подойдет поближе.

– Огонь! – заорал старший лейтенант.

Первый залп был удачным. Идущий впереди колонны мотоцикл кувыркнулся в кювет. Следующий за ним грузовик «Опель-Блиц» свернул в другую канаву. Второй грузовик остановился – и третий ударил его в корму.

Немцы стали выскакивать из машин – и попадали под огонь. Сергей поймал на мушку одного – толстый фриц бежал куда-то вдоль замерших грузовиков. Не добежал. Мельников, как учили в Школе снайперов, плавно нажал на курок. Выстрел. Ружье отдало в плечо – и немец повалился. Сергей поймал на прицел другого. Это был тощий веснушчатый парень, который несся, сам не понимая куда. Но тут его путь кончился. Выстрел – и немца отшвырнуло на кузов машины.

Все заняло пять минут. Солдаты выбрались из зарослей и двинулись к машинам. Тявкнул выстрел. Это старший лейтенант пристрелил кого-то из раненых немцев.

Между тем солдаты потрошили начинку грузовиков.

– Какой груз? – спросил командир.

– Товарищ старший лейтенант, тут какие-то консервы. Вроде мясные...

– Взять по двадцать килограммов. Остальное – бензином и поджечь!

Это был, конечно, не тот бой, который определяет судьбу войны. Обычная мелкая стычка – сколько их было за эти годы? Но Сергей понял в этом бою главное – немцев можно бить! Они не смогут победить. Хотя бы потому, что есть отряд вот этого лейтенанта. А значит – пробьемся!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.